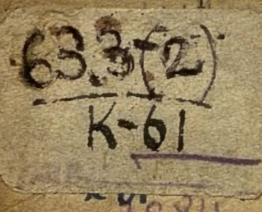
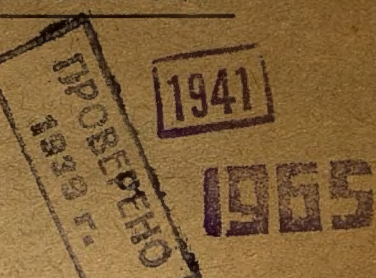
Историко-революционная библиотека

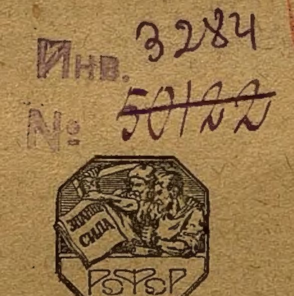

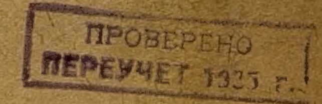
В. КОЛПЕНСКИЙ

ЯКУТСКАЯ ССЫЛКА

и

ДЕЛО РОМАНОВЦЕВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ ✿ 1920

Р. В. Ц. Петербург.

Отпечатано 20.000 экз.

Первая Государственная Типография, Гатчинская, 26.

Якутская ссылка и дело «Романовцев» [1]).

I.

Якутская область, место ссылки политических, один из публицистов, по справедливости, назвал «могилою заживо погребенных».

Раскинувшаяся за несколько тысяч верст от нас, эта область Восточной Сибири представляет собою громадную, необъятную тюрьму без железных решеток в окнах, молчаливо-угрюмую, страшную своею нелюдимостью и мертвою тишиною.

И вот в эту неприглядную пустыню правительство долгие, долгие годы ссылало своих политических врагов, заставляя их селиться по юртам и улусам и замуравливая их в четырех стенах гнилого и промозглого жилища. И безотраднее всего то, что ссылались люди не за какое-либо точно определенное преступление по суду, когда все-таки предоставлялась возможность бороться и доказывать свою невиновность, а в «охранном порядке»—по усмотрению административной (полицейской) власти и только потому, что то или другое лицо казалось правительству неблагонадежным и заподозревалось лишь в возможности совершения преступления.

Жизнь в этой «заброшенной окраине», по ее необыкновенной отдаленности, суровости климата и неприглядности окружающей обстановки представляется прямо невозможною. В течение восьми месяцев Якутская область, как и вообще весь край по реке Лене, лишена всякого сообщения с про-

---

[1]) При составлении этой работы автор пользовался, помимо появившихся в печати рассказов и описаний, материалами архива быв. департамента полиции.

*

чими местностями Сибири. Единственное звено—река Лена, открыта для навигации в течение лишь четырех месяцев. Зимний путь (по льду той же реки), по громадности расстояния, почти три тысячи верст до Иркутска, делает невозможным подвоз каких бы то ни было продуктов. В виду этого снабжение всей местности хлебом и другими необходимыми продуктами бывает только летом по речному пути.

Еще мало-мальски сносным было пребывание в самом Якутске, хотя заброшенном и унылом городе, но все-таки дававшем возможность скрашивать свое томительное одиночество общением с людьми местной среды; приискиванием заработка путем репетирования; отсутствием опасения остаться без медицинской помощи; добыванием из библиотеки журналов, газет и книг, одним словом, посильным удовлетворением своих духовных запросов и культурных потребностей.

Но правительство признавало нежелательным и неудобным пребывание политических ссыльных в Якутске, в виду нахождения в нем учебных заведений (6-ти классной мужской прогимназии и 4-х классной женской прогимназии) и возможности влияния их на учащуюся молодежь, а потому ссыльные и расселялись вне Якутска, по улусам (волостям) и наслегам (селам и деревням), в так называемых «юртах»,— обыкновенном жилище якута. Вот что представляет собою юрта, по официальному описанию чиновника департамента полиции де-Каррьера, посетившего в 80-х годах Якутскую область с целью изучения быта ссыльных. «Юрта имеет вид усеченной пирамиды, построенной на четырех воткнутых по углам столбах. Столбы эти связываются боковыми балками и продольными перекладинами, причем оставляется промежуток для дверей. Боковые стены обмазываются снаружи толстым слоем глины, смешанной с коровьим навозом, на крышу накладывают дерн. Вышиною юрта от 3 до 4 аршин. Свет проникает через три — четыре маленьких, в полторы квадратных четверти, отверстия. Зимою в эти отверстия вставляются льдинки, а летом они затыкаются, чем попало: тряпками, пузырями и т. п. Пол юрты, обыкновенно, земляной. Для отопления посредине, немного ближе к краю, укрепляется полукругом ряд бревен, выведенных вверх в аршин выше настилки крыши. Внутренность этого полу-

круга обмазывается глиною. По стенам расположены лавки, служащие кроватями. В юртах под одной крышей, ближе к двери, помещается и хлев для скота, благодаря чему внутренность юрты крайне неопрятна и в ней стоит невыносимый для непривычного человека запах. Летом в юрте, несмотря на открытые двери и окна, страшная духота. Мириады больших желтых комаров, немилосердно впивающихся в тело, и тучи мошек, попадающих в рот, нос и уши, довершают удобства юртовой жизни»[1]).

Так описывает юрту—это обычное жилище политических, проводящих в ней продолжительные годы жизни, мимолетно посетивший Якутскую область правительственный чиновник.

По закону, ссыльному, водворяемому в «известные» местности, не отводится помещение, а он сам обязан подыскивать себе кров: нанять или построить себе юрту. Якуты, дикое инородческое племя, неохотно отдают свое крайне неприглядное помещение для жительства ссыльным, а полицейские власти укрываются законом и не оказывают никакого содействия к улажению жилищного вопроса, и в конечном итоге, опять-таки, вся тяжесть устройства своей жизни ложится на самого ссыльного, которого правительство загнало в ужасающие места, поставило в нечеловеческие условия жизни и заставило самого же, без знания местных обычаев и среды, разыскивать пристанище. Однако, мытарства этим еще не кончаются: когда юрта нанята поселенцем, он, в виду изложенных выше причин, мешающих непривычному человеку сразу в ней поселиться, переделывает ее, приспособляя для сносной жизни. Это устраивается или при помощи инородцев или путем найма уголовных поселенцев.

По большей части ссыльные стремятся жить по два—по три человека в одной юрте; объясняется это, помимо естественного желания не быть в одиночестве, также чувством самосохранения из опасения массы поселенных здесь уголовных преступников и нередких с их стороны нападений и грабежей. Ссыльные обеих категорий, т.-е. и административные

---

[1]) Архив б. департамента полиции.

и осужденные, в Якутской области получали пособие от казны вдвое—в полтора раза меньше действительной стоимости жизни (так было в 80-х годах). Юрты хотя и расположены близ озер, но озера эти имеют такую затхлую воду, что нет возможности ее пить. Обыкновенно вода привозится из отдаленных рек, или делаются запасы льда, привозимого из тех же рек. Лед этот оттаивается для питья, варки пищи и даже мытья белья. Ко всем этим неудобствам надо прибавить невозможность достать некоторые продукты. Так, бывали годы, что нельзя было достать ни по какой цене керосина и свеч.

В таких-то поистине ужасных условиях приходилось влачить со дня на день жизнь политическим.

Ко всем этим внешним неудобствам жизни надо добавить, что вообще жизнь политических была подвержена разным случайностям; многое в жизни их зависело от личного взгляда как высшего губернского начальства, так и местной власти. В период, непосредственно предшествовавший 1903 году, в Сибири в отношении к политическим господствовал, можно сказать, «либеральный» режим.

Во время пути по Сибирским трактам ссыльным дозволялось видеться с товарищами, поселенными в местных колониях. Это имело для них громадное значение, так как вполне естественно желание встретиться, обменяться новостями, освежить себя живыми впечатлениями, на время встряхнуться и хоть мысленно вырвать себя из бесконечно скучной жизни.

На самых местах водворения политических также неособенно тревожили посещениями разных агентов и правительственных наблюдателей и избавляли от визитов надзирателей, следящих за политическими.

Правительство как-то ничего не имело против того, чтобы некоторые из политических селились в городах, даже в Якутске. Администрация не ставила препятствий тому, чтобы политические, фактически расселенные по юртам, проводили большую часть жизни в городах, имея там постоянный заработок.

В 1901 году дозволялись даже отлучки без особого разрешения в пределах громадного участка Земских Заседателей.

За отлучки, без особого разрешения, из улусов в города в большинстве случаев никаких преследований не возбуждалось, и лишь изредка виновных подвергали ответственности перед мировыми судьями, которые присуждали к незначительным штрафам 1—3 рублей или аресту на один—два дня.

Особенно широко практиковались все эти «вольности» после 1889 года, когда политические ссыльные за свой протест и открытое возмущение против административного произвола,—ссылки в отдаленнейшие места Якутской области без достаточного количества съестных припасов и при других крайне стеснительных условиях, — подверглись жестокой расправе, повлекшей за собой шесть жертв, расстрелянных на месте подавления восстания, и отдачу остальных, «оставшихся в живых», военному суду [1]). Правда, в делах департамента полиции имеются такие сведения, что «государь император 9 апреля 1889 года, по рассмотрении всеподданнейшей записки министра внутренних дел о вооруженном сопротивлении, оказанном военному отряду в г. Якутске политическими административно-ссыльными, не желавшими подчиниться распоряжению местного губернатора о выселении их в отдаленные округа области, между прочим, собственноручно изволил начертать: «самое лучшее отсылать всех политических ссыльных на Сахалин и спокойнее тоже насчет побегов» [2]).

Но слово, хотя и царское, одно, а дело совсем другое, и ссылке административных на Сахалин не только не пришлось осуществиться, по предначертанию царя, но и существующие условия самой ссылки, под влиянием резкого и энергичного отпора политических, с одной стороны, и из опасения общественных толков и дальнейших смут и недоразумений со стороны политических—с другой, несколько охладили административный пыл и жар и заставили правительство поубавить и смягчить те тягостно-невыносимые обстоятельства жизни политических, которыми так обильна была Якутская ссылка.

Поэтому хотя система ссылки осталась та же самая, но поставленные для проведения ее в жизнь люди стали несколько

---

[1]) См. в издании «Историко-революционной библиотеки» книжку «Убийство ссыльных в Якутске».

[2]) Из дел б. Архива д-та полиции.

мягче и благожелательнее по отношению к политическим, отчего и само дело ссылки, правда по существу своему возмутительное, выигрывало: политические несколько отдохнули от тяжести жизни, успокоились и не вступали в антагонизм и борьбу с представителями администрации.

В воспоминаниях лиц, испытавших на себе тяжесть Якутской ссылки, особенно отмечается Якутский губернатор Скрипицын, успокоивший волнение политических ссыльных после 1889 года, в Якутской области, своим умелым и тактичным отношением к политическим. Этой политике содействовал и Иркутский генерал-губернатор Горемыкин. При нем в начале 1903 года министерским циркуляром была разрешена педагогическая деятельность политических ссыльных Якутской области, репетиторство и домашнее обучение, а также были предприняты, при содействии политических, научные экспедиции и командировки.

Хотя, правда, такое снисходительное отношение правительства к политическим ссыльным и способствовало внешнему успокоению их, но с другой стороны оно совпало с понижением самой революционности в настроении ссыльных. Однако, с конца 90-х годов политическая ссылка начала быстро изменять свою физиономию, как идейно, так и в отношении личного состава. Могучие волны социал-демократического движения в России докатились и до Сибири к началу XX века. Между политическими ссыльными и находившимися в России товарищами установились связи и солидарная работа на пользу общего дела. Ко времени 1900 года все более и более растущее общение ссыльных с товарищами, на воле находившимися, проявлялось очень заметно. Мало того, замечалось постепенно крепнущее влияние политических и на местное сибирское общество, особенно на среду рабочего элемента и учащихся. Отбывшие же ссылку и вернувшиеся в Россию политические закрепляли сильнее связь, установившуюся между ними и своими единомышленниками. Одним словом, получалось явление, обратное тому, которое правительство стремилось и рассчитывало видеть, ссылая политических в Сибирь. Сибирь не убаюкивала порывы и энтузиазм политических, а разжигала в них пламя борьбы и сама от этого огня постепенно воспламенялась.

Повышенная революционность настроения ссыльных, их деятельное участие в пропаганде и агитации среди местного населения, наконец, массовые побеги вызвали сильное обострение отношений между администрацией и политическими ссыльными.

Губернаторы стали получать усиленные замечания за попустительство и слабый надзор в отношении политических ссыльных. Усилилось также и явное наблюдение за политическими. Возобновилась столь ненавистная практика просмотра всей корреспонденции политических.—Наконец, со времени вступления в управление министерством внутренних дел фон-Плеве, отдельные репрессивные меры были возведены в систему, и Плеве нашел достойных исполнителей своих велений на местах. Таким исполнителем для Восточной Сибири явился назначенный в 1903 году генерал-губернатором граф Кутайсов.

Со вступлением в управление гр. Кутайсова и без того тяжелая жизнь ссыльных стала совершенно невыносимой. Они в буквальном смысле были поставлены вне закона и находились в полной зависимости от всякого начальства до урядников и десятских включительно.

Иркутским военным генерал-губернатором графом Кутайсовым было сделано в августе 1903 года циркулярное распоряжение о том, чтобы «о всех случаях самовольных отлучек было доносимо ему для перевода виновных на водворение в отдаленные местности Якутской области».

А что такое представляли из себя эти отдаленные местности — эти Верхоянск и Колымск, куда рекомендовалось ссылать ослушников велений Кутайсова,—распространяться долго не приходится. Достаточно мысленно воспроизвести один рисунок, изображающий собою город Колымск. На переднем плане картины нарисован черный крест с перекладинами, а сзади полуразвалившиеся домишки, до крыши занесенные сугробами снега; под картиною надпись: «Колымск».

Стоило, таким образом, чем-нибудь не угодить какому-нибудь десятскому, как возникало дело о самовольной отлучке—и в результате высылка без суда и расследования в «Колымск» и прибавка к сроку. Не отлучаться же с мест своего жительства из тех улусов и наслегов, среди кото-

рых были разбросаны на громадном расстоянии одна от другой юрты, было немыслимо. Потребность общения, медицинская помощь, продовольственная нужда — все эти необходимые элементы для существования—толкали ссыльных к невольному нарушению нежизненного и крайне жестокого распоряжения о неотлучках.

Затем в сентябре 1903 года «совершенно секретно» и «циркулярно» было разослано подведомственным губернаторам такое предписание Иркутского военного генерал-губернатора: «из достоверных доношений по надзору за политическими ссыльными, сосланными на поселение и под гласный надзор, усматриваю, что частые побеги и самовольные отлучки ссыльных являются последствием слабого за ними надзора; независимо от этого, наблюдение за ссыльными ограничивается бумажной отпиской, между тем, по имеющимся сведениям и основываясь на отношениях Департамента Полиции 1 августа № 7201 и 14 сентября 1903 г. № 8205, видно, что ссыльные по политическим делам входят в непосредственные сношения с организационными рабочими комитетами революционного союза и принимают активное участие в делах преступной деятельности означенных комитетов в Сибири; таким образом, ссылка означенных лиц в Сибирь не достигает своей цели, благодаря тому, что чины полиции вверенного мне края относятся столь поверхностно к обязанностям по наблюдению за означенными выше лицами».

«Давая знать об этом, предлагаю всем чинам наружной полиции вверенного мне края, в целях пресечения преступной деятельности ссыльных по политическим делам, иметь неослабное наблюдение за личной жизнью каждого из названных лиц, для чего в местах, где водворены эти лица, учредить полицейский надзор, который ежедневно доставляет сведения о политических ссыльных по прилагаемой форме». «При этом вменяю в обязанность подлежащим чинам полиции сведения эти лично проверять. Независимо от сего у политических ссыльных, по своему образу жизни и другим данным наводящим на предположения о деятельности и сношениях с преступным кружком, следует производить внезапные обыски, при участии одного из лиц корпуса жандармов».

«При этом обыски должны быть произведены по постановлению исправника с указанием причин и оснований обысков; квартиры, занимаемые ссыльными, должны быть посещаемы возможно чаще чинами полиции».

«Вся переписка ссыльных по политическим делам должна быть безусловно просматриваема исправником или его помощником. Пребывание лиц, не благонадежных в политическом отношении, в квартирах ссыльных воспрещается. При этом считаю нужным предупредить чинов наружной полиции вверенного мне края, что замеченные в слабом надзоре за политическими ссыльными будут немедленно удалены от занимаемой должности, как неспособные к службе».

Кроме того, Кутайсовым был дан ряд предписаний об удалении поднадзорных из городов и селений, расположенных близ Сибирской железной дороги; о немедленной высылке из Якутска всех политических ссыльных, живущих там без его разрешения; о затруднении отлучек в город даже с разрешения местного начальства и—о прекращении отправки на казенный счет политических, отбывших срок ссылки.

Все эти циркуляры и предписания немедленно проводились в жизнь усердными и услужливыми исполнителями.

Само собою разумеется, достаточно было сделать нажим сверху в виде разного рода репрессий относительно ссыльных, чтобы изменился под этим влиянием весь характер отношений к ссыльным ближайшего начальства и обывателей. Вскоре после того начали происходить недоразумения и столкновения по поводу Кутайсовского циркуляра у политических с жандармами, конвоем и местными полицейскими властями, так как строгое подчинение этим предписаниям создавало несносные, возмутительные условия жизни.—С самого начала этапного пути к месту ссылки до момента оставления ее политический ссыльный брался под усиленный надзор и подвергался разного рода стеснительным ограничениям и без того уже урезанной и доведенной до невероятных лишений жизни. Политический ссыльный, отправляемый по месту своего нового жительства в Сибирь, должен испытать ряд мучений и терзаний. Измученный тяжелым, чреватым всякими историями, предварительным заключением и скитанием по пересыльным тюрьмам, он идет в ссылку с некоторою

надеждою, что там, в отдаленных углах Сибири, можно будет хоть сколько-нибудь душой отдохнуть и позаняться. Ему представляется, что там, вне тюремного режима, не будет этого мелочного и придирчивого контроля над каждым его шагом и движением, этой унизительной, назойливой опеки, невыносимой для человека мыслящего, культурного, но он жестоко ошибался. Он должен испытать на себе все прелести Кутайсовских распоряжений. Все эти циркуляры и предписания до того ввинчивали этих усердных служак, разных конвойных и этапных начальников и их подчиненных, что в пути, кроме грубости, дерзости и окриков, и временами даже разных ругательств и оскорбительныхъ, чуть не до избиений, выходок не встретишь.

«Само по себе путешествие партии ссыльных в Якутскую область страшно даже по одним лишь воспоминаниям о нем,— говорит один из политических, испытавших на себе Якутскую ссылку.—Более месяца приходилось плыть по реке Лене в низких, тесных, наскоро сколоченных из досок протекающих плотах, так называемых «паузках». Постели, платье, белье— все пропитывалось водой. которая лужами стояла на полу и в изобилии попадала в нары, на которых приходилось спать. Туманы и холодные ветры пронизывали путешественников, благодаря чему являлось много заболевающих. Все просьбы о принятии каких-либо мер оставались тщетными. К этому надо еще прибавить, что почти всю дорогу политические не имели возможности видеться ни с одним из ранее сосланных товарищей, хотя у некоторых были по пути расселены братья, сестры, близкие люди, с которыми они не виделись годы и о встрече с которыми мечтали с таким радостным волнением. Опираясь на новый Кутайсовский циркуляр, этапное начальство не допускало свиданий, приказывая останавливать «паузок» на 5—10 верст выше или ниже населенных мест. Помимо свиданий самых безопасных,—о чем можно было говорить в присутствии конвойных, да и кому охота придет заниматься беседами на неподходящие темы, ведь радости свидания так мимолетны!—остановки в населенных местах имели бы и тот смысл, что представлялась бы возможность приобрести провизию, так как не было никакой возможности запасти таковую на долгий и тяжелый

путь [1])». Прибыв на место ссылки, политический испытывал новые мучения и терзания. Он сам, как уже ранее указано, должен озаботиться приисканием себе жилища—юрты, приспособлением ее для сносного существования, а бывает так, что не сразу найдешь юрту и приходится скитаться, ночуя по правлениям и этапным пунктам. Да и что дает, какие удобства, жизнь в этих юртах? Но вот пристанище найдено, а дальше что? Нужна медицинская помощь, отлучиться нельзя, и ты должен или надеяться на счастливый случайный исход болезни или погибать, как обреченный на жертву. За провизиею итти нельзя, на все надо предварительно испрашивать разрешения приискать себе занятие гделибо в более населенном месте и помышлять нечего. Но, конечно, так жить, чтобы не нарушить строгих велений Кутайсовского циркуляра, нельзя было, приходилось делать отступления, и на свой риск и страх изыскивать средства и способы удовлетворения своих потребностей. А отсюда создавалась полнейшая неуверенность, что завтра тебя, как ослушника и нарушителя правил, не отошлют в Колымский край.

Вот какова была жизнь политических ссыльных во время действия Кутайсовских циркуляров и предписаний. Перед всеми политическими ссыльными встал роковой вопрос, сносить ли дольше этот унизительный для человеческого достоинства и невыносимый для самого примитивного существования режим или настала пора возвысить голос протеста.

Ответ на этот вопрос дало дело «Романовцев», к изложению которого мы переходим.

II.

За лето и осень 1903 года в Якутской области был необыкновенный наплыв политических ссыльных. Строгий и жестокий режим Плеве сказался в этом отношении очень сильным нажимом в сторону как можно большего и мучительного стеснения для политических, а что может быть

[1]) П. Теплов. «История Якутского протеста».

хуже жизни в Якутской области, о которой мы уже выше говорили? Плеве приказывал ссылать политических в Якутскую область, а местная администрация, в лице ставленников Плеве, как Якутский губернатор Булатов, являлась послушным орудием для выполнения велений Кутайсова, служащих отражением политики Плеве; она политических рассылала по улусам и наслегам и жизнь их обставляла такими условиями, о которых мы только что говорили.

Дальше этого итти было некуда, и среди политических, на почве невыносимых условий жизни их, под влиянием распоряжений графа Кутайсова, возникла идея протеста. Зародилась и осуществилась она таким образом. К началу февраля месяца 1904 года в городе Якутске собралось большое общество политических ссыльных: часть из них, несмотря на запрещение, прибыла из ближайших улусов и наслегов, а значительное большинство, прибыв недавно в ссылку, ждало отправки в дальнейшие улусы — Колымский, Верхоянский и Вилюйский округа. Естественно, политические обменивались впечатлениями, рассуждали на злобу дня и более всего останавливались на том вопросе, который был основною осью всей Якутской жизни—на обсуждении тех условий жизни, которые стояли перед ссыльными, как неприступная стена, благодаря твердой неумолимости Кутайсова. Мало-по-малу, сначала в виде простого недовольства, потом в форме более решительной, развивалось среди политических протестующее настроение. От общих рассуждений на товарищеских собраниях переходили к обсуждению отдельных вопросов, вроде тех, что делать и как быть в случае отправки в отдаленные улусы, где нет сносных квартир и даже хлеба; как поступить больным товарищам, в виду запрещения самовольных отлучек и выдачи лошадей политическим; что делать, если администрация будет отправлять серьезно больных товарищей в Верхоянск и Колымск; наконец, что делать, если будут отправлять в те же отдаленные округи за самовольные отлучки в город. Атмосфера протеста и общественного негодования все более и более накаливалась разжигающими скорбными рассказами товарищей о нечеловеческих условиях жизни в глуши в жалких разбросанных по тайге юртах якутов. Политические на то-

варищеском собрании прямо заявляли, что добровольно не вернутся в эти отвратительные жилища, и возникал новый вопрос: что делать, если полиция потребует возвращения таких самовольно отлучившихся товарищей. От частностей снова переходили, как всегда бывает, к обсуждению общих вопросов жизни в ссылке, и все соглашались на одном пункте, что все зло происходило от тех распоряжений Кутайсова, без которых создалась бы более сносная жизнь. Согласившись на основном вопросе, что источником всех бед и зол ссыльной жизни служит установленный Кутайсовым порядок, переходили к вопросу, какими средствами можно добиться изменения или совершенного уничтожения этого несносного режима. Покоряться и уступать нельзя было: это и недостойно положения революционера — борца за право и лучшее будущее, это и практически невозможно, так как большинство политических в таком случае обрекалось бы на гибель. Более остро ставился вопрос о форме протеста. Тут намечались и обнаруживались разные течения и возможности. На первом общем собрании, бывшем в феврале, когда присутствовало более восьмидесяти политических ссыльных, принципиальное решение о необходимости протестовать было принято единогласно, при нескольких воздержавшихся. Что касается формы протеста, то также сказалось полное единодушие и по вопросу о бесцельности всяких бумажных протестов единоличных или коллективных, да кроме того, такой путь протеста был унизителен и совершенно не действителен, как средство борьбы с общими условиями ссылки. Единичные и массовые ходатайства влекли за собою оставление их без движения и затем все ту же кару, в виде надбавки срока высылки или ссылки в более отдаленные места. Форма «пассивного сопротивления», т.-е. неподчинения распоряжениям, также отвергалась, ибо были примеры в истории ссылки, когда на нежелающих исполнить очень энергично воздействовали конвойные и сотские, связывая, избивая и насильно отправляя сопротивлявшихся к месту назначения. Оставалась одна форма—«активное» сопротивление при строгой решимости отстаивать свои требования всеми силами и средствами, рискуя даже собственной жизнью, — при готовности умереть с оружием в

руках во время защиты себя и своих интересов против дикого произвола администрации путем такой борьбы, которая поставила бы и эту последнюю в положение равноправное в смысле борющейся стороны и заставило бы ее задуматься на счет и самого хода и исхода такой борьбы с политическими.

18 февраля 1904 года утром в доме инородца Романова, в городе Якутске, на Поротовской улице, собрались более сорока политических ссыльных и забаррикадировались там. Предварительно они сделали запасы хлеба, мяса, мерзлого молока, а также припасли телеграфную проволоку, гвозди, топоры. Работа в самом доме кипела: все комнаты были полны политических, одни из них размещали по комнатам или переносили в кухню передаваемые с лестницы дрова, посуду, хлеб, лед; другие разбирали и приводили в порядок оружие, третьи обсуждали и приводили в исполнение вопрос об укреплении дома. Устроив укрепления у дверей, окон и стен, забаррикадировавшиеся политические приступили к подписи накануне составленного протеста на имя Якутского губернатора такого содержания:

«Якутский губернатор. Мы никогда не считали ссылки и прочих репресссий правительства против революционеров явлением нормальным или имеющим что-либо общее со справедливостью. Тем не менее, мы не можем допустить попытки отягчения ссылки путем применения к нам разных измышлений больших или маленьких властей, не стесняющихся в своей изобретательности даже рамками законов, изданных с репрессивными целями самодержавным русским правительством. За последнее время чиновничий произвол с каждым днем все сильнее дает себя чувствовать. Нас били и бьют по тюрьмам и в дороге, нам создают обстановку, в которой жить нельзя, нас водворяют в улусы, где больным часто нет сносных квартир, а за самовольные отлучки без расследования обстоятельств высылают в отдаленные места, нам набавляют сроки, опять таки без гласного расследования и неизвестно по чьему фактическому усмотрению, нас везут без средств и в негодной одежде, лишая даже возможности пользоваться товарищеской помощью. Из ссылки нам устраивают западню, в которой мы должны оставаться

и после окончания срока, так как, вопреки точному смыслу законов, нам отказывают в возвращении на казенный счет, наши самые законные ходатайства остаются без удовлетворения по причинам нам неизвестным».

«Служить объектом произвола и административных измышлений, откуда бы они ни исходили, мы не желаем и заявляем, что никто из нас не уедет из Якутска и что мы не остановимся перед самыми крайними мерами до тех пор, пока не будут удовлетворены следующие требования:

1. Гарантия немедленной, без всяких проволочек и пререканий, отправки всех оканчивающих срок товарищей на казенный счет.

2. Отмена всех изданных в последнее время распоряжений о стеснении и почти полном воспрещении отлучек.

3. Отмена всяких, кроме точно указанных в «Положении о гласном надзоре», репрессий, за нарушение этого «положения».

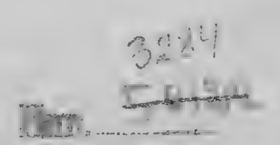
4. Отмена циркуляра, запрещающего свидания партий с местными политическими ссыльными.

5. Гарантия в том, что никаких репрессий по отношению к лицам, подписавшим настоящее требование, применено не будет.

«Отмену упомянутых циркуляров и распоряжений мы считаем тем более настоятельной, что применение их вызывает и будет вызывать ряд серьезных столкновений, а повторение таких гнусных фактов, как избиение в Усть-Куте товарищей, прибывших в Якутск 2-го февраля, всегда будет вызывать резкий протест.

«Мы убеждены, что тот или иной исход в значительной степени будет зависеть от вашего собственного образа действий, и что поэтому ответственность за могущие быть недоразумения и столкновения падет лично на вас. Являться по требованию полиции мы никуда не будем и все сношения рекомендуем вести письменно, адресуя любому из подписавшихся товарищей».

Этот протест был покрыт подписями 42 политических ссыльных, засевших в доме Романова, и послан с одним из них прямо в Областное Правление.

Между тем, с целью оказать действительное сопротивление в случае нападения на «Романовку» со стороны местных властей, «романовцы» прочно укрепили весь дом, поставив проволочные заграждения у входов и баррикады внутри дома, рассчитывая, что власть может предпринять единственное—это взятие «Романовки» штурмом, и не предполагая, чтобы они решились прибегнуть к обстреливанию дома с дальнего расстояния, против чего горсть плохо вооруженных мужчин и женщин защищаться, конечно, не могла. Оружие их было пригоже только на отражение штурма и насильственного вторжения: оно состояло из 25 револьверов «Браунингов», десятка охотничьих ружей, двух старых берданок (к ним всего 20 патронов), дюжины топоров с длинными рукоятками и многих финских ножей.

В самый разгар работы явился и. д. губернатора Чаплин и вступил в переговоры с политическими. Он рекомендовал им немедленно разойтись, обещая никаких репрессий не предпринимать и всех окончивших срок ссылки возвратить обратно на казенный счет. Относительно же остальных требований Чаплин заявил, что он не имеет права отменять распоряжения, не им отданные, посылать же телеграмму по начальству отказался. Между тем, пока длились переговоры, полицейский надзиратель Олесов, по собственному почину, вызвал воинскую команду к дому, где укрепились «романовцы», но Чаплин команду вернул, отменив это чересчур поспешное и неуместное распоряжение.

В результате переговоров, политические остались в убеждении, что губернатор, наверное, пошлет телеграфное извещение Кутайсову и Плеве, и от них последует приказ взять их силой. Поэтому забаррикадирование дома усилилось. За последующие два-три дня, в течение которых администрацией никаких активных действий не предпринималось, к протестантам присоединилось еще 13 человек, подавших от себя дополнительное заявление губернатору о полной солидарности со своими товарищами. Таким образом число протестующих возросло до 55, а с присоединившимися 1-го марта еще двумя товарищами общее число «романовцев» дошло до 57.

Все эти люди были объединены общею ненавистью к режиму Кутайсова, все они были одушевлены решением

бороться против этой системы произвола и угнетения человеческого достоинства политических ссыльных и все были готовы на какие угодно самопожертвования, лишь бы отстоять общее правое дело, во имя которого они стали на борьбу.

На следующий день после посещения губернатора от его имени приезжал полицеймейстер Березкин и просил политических разойтись, а затем 20 февраля отправился к губернатору «романовец» Никифоров с текстом телеграммы на имя министра внутренних дел, чем политические хотели ускорить решение по своему протесту, но губернатор отказался послать эту телеграмму. В результате переговоров губернатор сказал ему, что он предпримет такие меры, чтобы прекратить всякие свободные сношения политических с окружающими, и с этой целью приказал оцепить дом. После этого вместо двух негласно наблюдающих полицейских было установлено наблюдение за домом из 20 полицейских и казаков, но решительных действий администрация пока не предпринимала.

Внутренняя жизнь «романовцев» протекала сообразно с условиями их положения: установили по ночам дежурства, старались экономить в продуктах, следили за тем, не будет ли сигналов от товарищей «с воли», и проч. За это время удалось некоторым товарищам побывать вне дома и принести новости, касающиеся, главным образом, вопроса об отношении власти к «романовцам». Но время шло, а запасы, особенно хлеба, истощались, тактика администрации взять «романовцев» измором выяснилась окончательно. Решили потребовать от губернатора снятия блокады, для чего послали ему 26 февраля следующее заявление: «Мы видим в блокаде, которой мы подвергнуты, начиная с 20 февраля, заранее обдуманный план медленного бескровного убийства, т.-е. такую форму насилия, которая, с точки зрения интересов правительства, является более выгодной для него, но для нас, именно по этому не только ничем не лучше, а хуже избиения оружием. Предпочитая, во всяком случае, голодной смерти—смерть в бою, мы заявляем, что не станем далее спокойно относиться к блокаде и требуем ее снятия. Если это наше требование не будет удовлетворено, мы считаем себя в праве прибегать к самым крайним мерам, чтобы сделать ее недействительной.

Группа протестующих».

*

С того же дня решено было поднять над «Романовкою» красное знамя. 27 февраля утром, в ответ на упомянутое заявление, явился полицийместер Березкин и передал от губернатора новое требование разойтись и предписание, в котором предлагалось самовольно отлучившимся через сутки после выхода из «Романовки» явиться в округ, а остальным, в ожидании очереди к отправке, временно оставаться в городе.

Кроме того, полицийместер прибавил, что губернатор ему поручил передать политическим, что «он считает дальнейшее сидение в доме Романова бесцельным, так как и того, что вами сделано, настолько достаточно, что вопроса о положении ссылки замять было нельзя. А раз вопрос этот будет поставлен, то губернатор уверен, что разрешен он будет именно в желательную для вас сторону».

Упомянутое предположение Чаплина свидетельствовало, что он готов был пойти на уступки и, в случае подчинения его предписанию, уверен был в благоприятном исходе вопроса о положении ссылки. В ответ на это ему было передано через полицийместера соответствующее заявление уполномоченного от «романовцев»: «По поручению товарищей считаю долгом сообщить следующее: 1) полученных с вашей стороны заверений недостаточно для того, чтобы мы могли считать наше дело законченным и изменить принятую нами тактику; 2) для нас важно достижение нашей цели по существу, вопрос же о формах, в которых будут удовлетворены наши требования, существенного значения не имеет. Само собою разумеется, что мы не можем отказаться от прав в каждом отдельном случае решать, по скольку делаемые нам предложения достаточно гарантируют удовлетворение наших требований.

«При этом считаю долгом заверить вас, что никакие демонстративные действия, как таковые, для нас при данных обстоятельствах значения не имеют, и, в случае удовлетворения ваших требований, нами будут приняты все меры к тому, чтобы ликвидация нашего дела не носила характера, способного вызвать новые столкновения.

«27 февраля. По поручению товарищей Л. Никифоров».

Однако, дело приняло совсем другой оборот, и вместо мирного разрешения вопроса пришлось пережить «романовцам» бурные и крайне тревожные дни.

В ходе событий 1-ое марта был знаменательным днем в истории протеста. В этот день полицейский надзиратель Олесов арестовал на улице Л. Никифорова. Двум другим товарищам, Бодневскому и Лурье, отправлявшимся в город, едва удалось скрыться от преследований сыщиков и вернуться в «Романовку», доставив с собою 10 пудов печеного хлеба и другую провизию. Только благодаря смелости этих товарищей и растерянности чинов полиции, наблюдавших за «Романовкою», им удалось на двух подводах, запряженных тройкою и парою, около семи часов вечера, с опасностью быть задержанными, прорваться в бешеной скачке через цепь городовых, принявших подводы за почту, и на полном ходу въехать во двор дома, где их приняли «романовцы», а лошадей возвратили ближайшему стражнику. Эта удачная вылазка послужила причиною усиления репрессий против протестующих. На другой день утром появился начальник военного караула Кудельский, расставил военных часовых, а затем пришли 23 солдата, и «Романовка» немедленно была окружена цепью часовых, поставленных не только на улице перед окнами дома, но и во дворе.

С появлением солдат всякие попытки выхода во двор были встречаемы грозными окликами «не подходи, застрелю». Видя серьезные намерения администрации не останавливаться долее перед обстрелом дома, «романовцы» два дня, 2 и 3 марта, работали до упаду, защищая блиндажами из лиственничных дров стены дома. Военный караул за эти дни вел себя возмутительным образом. Солдаты осыпали товарищей, дежуривших на наружном посту при слуховом окне в сенях, грубо-циничной площадною руганью, угрозами стрелять и т. п. Они всячески грозили расстреливать их, прицеливались из ружей, делали вид, как они будут колоть их штыками, бросали мерзлым пометом и камнями в крышу дома и стены. От самых возмутительных и циничных ругательств, оскорблений, жестов и вызывающих действий не были гарантированы и особенно страдали женщины, в часы дежурств наблюдавшие за действиями стражи.

Нервы у всех были крайне напряжены, с минуты на минуту ждали самых решительных действий со стороны военного караула, а поэтому, когда 3 марта в десятом часу ве-

чера постовые товарищи заметили, что для какой-то цели солдатами закрываются ставни в доме, все приняли это само по себе невинное действие за предательское намерение правительства устроить ночное нападение на спящих, безоружных людей и учинить насилие и поругание над ними. — Один из товарищей, находясь в крайнем возбуждении, немедленно вышел по слуховому окну и крикнул солдатам: «не закрывайте ставен, иначе будем стрелять». Но это предостережение не оказало действия. Пережив тревожную ночь на 4 марта, утром на следующий день «романовцы» послали губернатору заявление такого содержания: «Принимая во внимание: 1) что наши требования, представленные 18 февраля, до сих пор не удовлетворены, что администрация принимает все более серьезные меры борьбы с нами в форме осады, переходящей за последние два дня в прямые наступательные действия, имеющие целью принудить нас сдаться под угрозою голодной смерти или грубого насилия отданных в распоряжение полиции солдат; 2) что администрация держится крайне вызывающего образа действий, выразившегося в целом ряде поступков: занятие двора солдатами, бросание часовыми камней, площадная ругань по адресу наших товарищей, прицеливание и угрозы стрелять в нас и арестовывать при попытке кого-либо из нас выйти во двор, закрывание часовыми ставен в занимаемом нами доме и т. п., и, наконец, 3) что предательским арестом нашего выборного Л. Никифорова начаты администрацией прямые репрессии против нас, мы требуем удовлетворения всех выставленных нами основных требований и немедленного освобождения арестованных товарищей-протестантов и снятия осады. В противном случае мы будем считать себя в праве приступить к вооруженной самозащите. Группа протестующих ссыльных гор. Якутска, д. Романова, 4 марта 1904 года».

Ответа не последовало, солдаты продолжали вызывающий образ действий, и никаких распоряжений по поводу прекращения безобразия с их стороны администрацией предпринято не было.

Солдаты ставни снова стали закрывать, так что подозрение на счет каких-то неожиданных действий усиливалось. Хотели товарищи снять оставшиеся ставни, но солдаты бро-

сали в них камнями и не давали этого исполнить. Несколько товарищей, посовещавшись между собою, решили, что необходимо стрелять, чтобы остановить замыслы и действия солдат. Солдаты в последний раз были предупреждены— «уходите, не смейте закрывать ставен и бросать камнями, иначе будем стрелять». В ответ послышалось «стреляйте, мы сами вас перестреляем». Тогда от «романовцев» раздались два выстрела, которыми, как оказалось впоследствии, были убиты двое солдат. После этих выстрелов начался правильный обстрел «Романовки», и одним из самых первых был убит Юрий Матлахов. Он был сражен на верхнем помосте, куда выбежал для охраны входной двери. Несколько позднее был ранен навылет в ногу Хацкелевич.

Минут через десять после обстрела явился губернатор с полицiймейстером и заявил «романовцам», что они должны немедленно выйти из дома, после чего будут арестованы и преданы суду, так как мало того, что они оказали сопротивление и непослушание об оставлении дома, но выстрелами из ружей убили двух солдат.

Теплов от имени товарищей сказал губернатору, что «два выстрела с нашей стороны, которыми, оказывается, выбиты из строя два солдата, были вынужденной необходимостью защищаться от вызывающих и прямо нестерпимых действий солдат. С момента их прихода мы систематически подвергались надругательствам, самым возмутительным оскорблениям и угрозам; нас площадно бранили, в нас бросали камнями, прицеливались из заряженных винтовок. Этого мало,—при выходе из двери нас грозят арестовать или застрелить. А в это время на дворе ведутся воинственные приготовления, разбираются заплаты, сооружаются засады и проделываются амбразуры в заборах для обстрела нас. Не ограничиваясь этим, солдаты готовили прямое нападение на занимаемый нами дом: они произвели разрушения в нижнем этаже, выставили рамы, разломали печи, ночью закрыли наши ставни и приготовили настилку под окнами. Мы не могли терпеть возмутительных действий солдат, а тем более их приготовления к нападению, лишающих нас возможности действительной самообороны».

«Обо всем этом мы неоднократно предупреждали и часовых, и караульного начальника, и помощника надзирателя, и начальника команды Кудельского, наконец, мы заявляли об этом и вам, предупреждая, что, в случае повторения таких фактов, будем вынуждены прибегнуть к вооруженной самозащите».

«И если после всего этого с нашей стороны последовали два выстрела, так виновниками гибели солдат, при данных условиях, являются те, в чьей власти было прекратить безобразия, провокацию и противозаконные действия караула и кто не сделал этого».

В заключение разговоров губернатор еще раз потребовал, чтобы протестанты немедленно разошлись, и дал им полчаса срока на размышление.

От имени всех товарищей Теплов заявил губернатору, что они не разойдутся, пока не будут удовлетворены их требования, хотя бы им грозила смерть, прибавив, что против насилия они будут защищаться с оружием в руках.

Затем губернатор снова потребовал сдачи «романовцев», сказав: «в противном случае последствия будут ужасные». Теплов ответил: «какие бы последствия ни грозили нам,— до удовлетворения требований мы не разойдемся. Вы, конечно, можете расстреливать нас всех, но тогда ответственность за пролитую кровь падет всецело на вас, так как от ваших распоряжений здесь и от характера ваших донесений правительству зависит ход и исход всего дела».

Заявив, что «расстреливать я вас не буду, а постараюсь взять живыми», губернатор на этом покончил объяснения.

С уходом губернатора, вечером того же дня забаррикадировавшиеся начали переделывать блиндажи дома; на следующее утро переделка была закончена и в других стенах; дальнейшие укрепления дома были сопряжены уже с большими затруднениями, так как дров и материала не хватало. Ощущался большой недостаток в хлебе и провизии,—5-го же снова начался обстрел дома. По поводу этого обстрела «романовцами» было приготовлено на имя губернатора такое письмо: «5-го марта вечером, без всякого повода с нашей стороны, мы подверглись обстрелу вашей команды, стоявшей на громадном расстоянии от нас. В 2 часа 40 мин. раздался

выстрел вашего часового из засады, из щели забора со стороны Полковой (Мало-Базарной) улицы, и спустя 1—2 минуты начался правильный обстрел, подобный вчерашнему. Ваше поведение, совершенно безопасное для вашей команды, стоявшей на громадном расстоянии от нас, тем возмутительнее и позорнее, что вы нарушили данное вами вчера, 4 марта, слово—не стрелять в нас, если мы сами не вызовем вас на необходимость ответить выстрелами, и что вы постараетесь взять нас живыми. Так сражается храброе российское воинство с небольшой кучкой противников.

Група протестующих ссыльных».

На следующий день обстрел продолжался. Со стороны «романовцев» вышел Теслер для переговоров по поводу этих обстрелов с губернатором, который, узнав, что выстрелы по дому ничем не были вызваны со стороны «романовцев», выразил удивление, добавив: «а мне доложили, что вы начинаете».

Всем стало ясно, что обстрел являлся предательски организованным: кто-то из казаков или солдат, окружающих «Романовку», делал предательские выстрелы, а их приписывали «романовцам».

Но обстрелы не прекратились. Во время обстрелов был ранен товарищ Медяник, а под конец их был тяжело ранен товарищ Костюшко-Валюженич на том самом месте, где 4 марта ранили Хацкелевича.

У всех явился вопрос, что же дальше делать и где найти выход. Решили послать Теслера к губернатору, прося до обсуждения вопроса об их положении прекратить перестрелку. Губернатор сказал, что выстрелов больше не будет.

В результате долгих обсуждений значительное большинство товарищей признало необходимым сдаться и вечером известили губернатора об этом решении.

III.

«Романовка» — добровольное заключение политических ссыльных с целью борьбы с правительством—окончилась 7 марта 1904 года, на восемнадцатый день пребывания в

доме. За нею последовала—«тюрьма», невольное заключение, в виду возбуждения против «романовцев» уголовного преследования по тяжким статьям закона, влекущим за собою наказание каторжными работами.

Товарищеская солидарность сказалась и отразилась и на этом деле. Перед нами дело департамента полиции, озаглавленное «О беспорядках, произведенных политическими ссыльными в Сибири». На первой странице этого дела помещено донесение Начальника Иркутского Губернского Жандармского Управления от 18 марта 1904 г. за № 2162 на имя директора департамента полиции, в котором он доносит: «господин Иркутский Военный Генерал-Губернатор, получив сведения о том, что административно-ссыльные Якутской области, недовольные режимом, установленным в последнее время, решили выразить протест, прибегнув с этой целью к крайним мерам, поручил мне просматривать всю корреспонденцию, направляющуюся из Якутска».

«Громадное большинство писем как от политических ссыльных, так и от частных лиц наполнено сведениями о последних событиях в Якутске».

Дальше в сжатом виде сообщается о деле «романовцев». Из писем, касающихся описываемых событий в Якутске, отметим адресованное в редакцию «Восточного Обозрения» в Иркутске и заключающее в себе фактическое изложение событий 18 февраля—7 марта 1904 г. в Якутске. В этом письме невольно обращают внимание строки: «пока до сих пор все улусные свободно приезжают в город, а окончивших срок отправляют на казенный счет». Из этих двух строчек ясно, что два пункта из предъявленного требования «романовцев» к администрации, из-за чего велась борьба, сами собою отпали: 1) право отлучек в город и 2) отправка на казенный счет—стали совершившимся фактом еще в период ожесточенной борьбы политических с администрацией, чего, однако, почему-то администрация признать не хотела и, умалчивая об этом факте, разжигала страсти и волнения тех, которых это ближе всего касалось.

Далее, письмо от 19 марта 1904 года было адресовано в Гейдельберг к Геллер. Письмо это от одного из участников «романовского» протеста. «С 7 марта мы оба в тюрьме в

Якутске», так начинается письмо. «Нас тут всех 56 человек, в том числе 7 в больнице. Скажу лишь, что с 18 февраля по 8 марта мы сидели, забаррикадировавшись, в одном доме в Якутске в числе 57 человек, требовали отмены последних (Кутайсовских) циркуляров о ссылке. 4, 5, 6 марта нас обстреливали солдаты. 7 марта мы сдались по решению большинства, и нас повели в тюрьму, где будем находиться до суда. С нашей стороны было 2 выстрела, которыми убиты 2 солдата». «Обвиняют нас по 263 и 268 ст., мы еще не видали этих статей. Сейчас зовут нас всех поодиночке в контору для первого (и последнего) допроса. Никто не даст никаких показаний».

Изложив фактическую сторону дела, автор в дальнейших строках письма рисует свое настроение, которое, не взирая на все пережитые неприятности, изобличает в нем и его товарищах по заключению настоящих борцов за идею. «Живем дружно и весело», говорится далее в письме, «много лекций, занятий. У нас тут коммуна. Нужны деньги». Если Заграничный Кр. Кр. может помочь, пусть это сделает. В заключение вскользь брошена фраза, свидетельствующая о широкой огласке, которую приняло дело «романовцев», и о товарищеской солидарности между политическими вообще: «много колоний к нам присоединилось и послали заявление губернатору».

Интересно привести некоторые из таких протестов, свидетельствующих о глубоком чувстве возмущения Якутскими событиями и товарищеском единении между политическими ссыльными, в какой бы отдаленности они друг от друга ни находились.

Из города Верхоянска, 23 марта 1904 года, группою политических было послано Якутскому губернатору заявление такого содержания: «в виду постоянно повторяющихся фактов насилия над нашими товарищами в тюрьмах, дороге и в местах ссылки, мы, революционеры, сосланные в гор. Верхоянск, не имея фактической возможности присоединиться к нашим Якутским товарищам в их открытой борьбе против диких актов насилия администрации, особенно участившихся в последнее время, заявляем о своей полной солидарности с товарищами, смело выступившими за наши

общие требования, и своей готовности всегда дать должный отпор на всякое насилие над нами».

Из с. Тугутуй, Иркутского уезда, 24 апреля 1904 года был прислан такого рода протест, на имя Иркутского Генерал-Губернатора: «Возмущенные и потрясенные до глубины души зверской расправой над 56 товарищами, произведенной в г. Якутске и. д. Якутского губернатора, который несомненно действовал с Вашего ведома и разрешения, мы заявляем, что мы солидарны с требованиями, выставленными Якутскими товарищами, что мы никогда не будем исполнять Ваших беззаконных требований, предъявляемых нам в циркулярах, нарушающих даже те минимальные права, которыми мы пользуемся по правилам гласного надзора».

Политические ссыльные города Олекминска послали на имя Якутского губернатора и министра внутренних дел такую телеграмму: «Мы вполне присоединяемся ко всем требованиям забаррикадировавшихся товарищей и заявляем, что не будем подчиняться ни циркулярам, отмены которых они требуют, ни административным наказаниям за нарушение этих циркуляров».

И много других подобного рода заявлений были присланы политическими из бесконечных мест необъятной Сибири.

Приведем еще воззвание, адресованное в Швейцарию, в Лозанну, в медицинскую школу и содержащее изложение хода событий Якутской истории с присоединением к таковому протеста против действий правительства по отношению к политическим ссыльным.

«Русскому Обществу».

«Гнусность и подлость русского правительства никогда не составляли для нас секрета. Мы привыкли встречать с его стороны невероятнейшую смесь кровожадного зверства, наглой лжи и азиатского коварства. Но то, что пришлось испытать нашим товарищам во время их сидения в доме Романова, даже и нас повергает в изумление. Русское правительство не было бы прославленным правительством *кнута и нагайки*, если бы оно удовлетворило выставленные ими минимальные требования, чем дало бы им возможность мирно вернуться по своим улусам. Но оно оказалось слишком трус-

ливым, чтобы немедленно двинуть на них войско и победить их силой. Решившись взять их измором, оно допустило неслыханное и небывалое в России явление. Восемнадцать дней, в областном городе, безнаказанно стоял своего рода «форт», в котором засело 56 крамольников. Над ними гордо развевалось красное знамя, а кругом с бессильной злобой глядела на ненавистную эмблему многочисленная орда полицейских, казаков и солдат, облегших со всех сторон дом и прекративших сношение его с внешним миром».

«План взять их голодом не удался. Осажденные имели запас провизии и воды. Сверх того, 1-го марта им удалось молодецки прорваться сквозь блокаду и усилить свои ресурсы. Тогда правительство изменило тактику. Полицейские были заменены солдатским отрядом, занявшим все флигеля во дворе, весь двор и даже нижний этаж. Это была уже не блокада, а явное приготовление, так или иначе, покончить с крамолой. Солдатам была дана инструкция всеми средствами провоцировать осажденных и побуждать сделать первый выстрел, который развязал бы руки властям. Храбрые воины, стоя перед окнами и дверями, осыпали наших товарищей площадной руганью, прицеливались в них из ружей, бросали камнями и, наконец, стали закрывать ставни, окно за окном. Последнее имело целью лишить осажденных света, а главное, скрыть от них приготовления к штурму, через окна. Четыре раза предупреждали наши товарищи администрацию, что не станут терпеть этих действий. Заявляли письменно губернатору, писали караульному начальнику, предостерегали солдат. Все оказалось тщетным. Солдаты продолжали закрывать ставни и бросать камнями. Тогда раздались два выстрела, поразившие двух солдат. Это были со стороны осажденных *первые и последние выстрелы*. Мы не хотели солдатам зла, мы оплакивали трагизм русских условий, при которых за преступления правительства расплачиваются бессильные, невежественные его орудия. Но сделанное было роковым образом неизбежно. Администрация только и ждала этих выстрелов. Но если бы таковых и не последовало, дело ничуть бы не изменилось. Уже отдано было гнусное распоряжение казакам давать в условленные моменты выстрелы, якобы исходящие из «форта». Циничный обман уже гото-

вился заступить место подлой провокации. Но осажденные этого еще не знали».

«Немедленно град выстрелов посыпался на деревянный «форт». Около 600 пуль было пущено туда в какие-нибудь четверть часа. Они пронизывали его насквозь через окна и стены. Ни один из осажденных не мог и не должен был уцелеть. Это был хладнокровный расстрел, с заранее обдуманным намерением, 56 человек, виновных только в том, что они осмелились в необычной форме потребовать элементарнейших прав. Они уцелели, кроме одного легко раненого (Хацкелевича) и одного случайно убитого Юрия Матлахова, но только потому, что чуть ли не накануне дошел до них слух о предполагаемом адском способе с ними разделаться. Невероятным показался им этот слух, но они все-таки сочли нужным принять меры предосторожности. Работали они с утра до ночи, воздвигая блиндажи вдоль стен из дерева, кирпичей и земли. Только блиндажи и спасли их от неминуемой гибели».

«4 марта в 3 часа дня они подверглись первому обстрелу, после которого прискакал губернатор и потребовал от них сдачи. Он заявил, что обстрел произошел для него совершенно неожиданно, как результат выстрелов осажденных, что больше он его не повторит, так как предпочитает их взять живыми. Однако, ровно через сутки вдруг раздался выстрел со стороны заднего проулка из казацкой винтовки через вынутые из забора доски, и вслед за тем начался опять жестокий обстрел. Пули ложились еще ниже прежнего, но блиндажи их и на этот раз спасли: ни один не был ранен. Прошла еще ночь, и 6 марта в 11 часов дня внезапно раздался предательский выстрел в окно, ранивший товарища Медяника, а за ним опять выстрел. Терпение осажденных стало истощаться. Они потребовали губернатора, от которого с величайшим изумлением узнали, что вчерашний выстрел был опять-таки результатом выстрелов с их (осажденных) стороны и что 6 марта стреляли только осажденные. Ту же наглую ложь повторил вызванный на очную ставку караульный начальник. Не успели наши товарищи хоть несколько опомниться от тяжелого кошмара лжи и гнусности, которыми их окружили, как в тот же день через два часа опять раз-

дался одиночный выстрел, и затем начался жесточайший обстрел «форта» с трех сторон. Залпы следовали за залпами, и пули с треском ударялись о блиндажи. На этот раз был ранен товарищ Костюшко. Тогда пред осажденными ребром стал вопрос о дальнейшем способе борьбы. Осажденные ждали штурма, но его опять не последовало. Столкнуться с врагом грудь-грудью не предвиделось возможности, так как враг систематически уклонялся от штурма. Они были обречены пассивно переносить бесконечные обстрелы врага, державшегося на почтительном расстоянии. От русской администрации можно было ожидать всевозможных мер, например: поджога, который был бы приписан «собственной неосторожности» осажденных, или обстрела с нижнего этажа через пол и т. п. Все это заставило наших товарищей изменить форму борьбы и покинуть «форт».

«Всего было в них выпущено от 1500 до 2000 боевых патронов. Стены, окна и двери дома буквально изрешетены (по официальным сведениям 750 солдатских патронов, не считая казачьих берданок)».

«Уже по выходе из «форта» узнали они новые позорные подробности о действиях администрации. На 7 марта был предрешен новый обстрел «форта» с высоты дома Кушнарева и дома Кондакова. От этого обстрела уже не могли бы спасти осажденных их низкие блиндажи. Узнали они также, что казаки каждый раз перед выстрелом давали по приказанию начальника несколько выстрелов на город, что то же самое они повторяли в промежутках между солдатскими залпами, что все эти выстрелы по направлению к мирным жителям выдавались начальником за исходящие от осажденных, что среди общества воспитывались озлобление и ненависть к нашим товарищам. Позор Якутским жителям, если они хоть на минуту могли поддаться на эту грубую удочку и поверить русской администрации, лживость которой известна и младенцу. Стыд и позор Якутскому обществу, если оно в героической неравной борьбе наших товарищей могло хоть на мгновение принять сторону правительства».

«Форт» покинут, и его обитатели пошли в тюрьму. Их ждет в дальнейшем суд, «обличающий» суд русского прави-

тельства. Но они не считают себя побежденными. Это только первый акт протеста. Его развитие еще впереди».

«Громкий крик протеста пронесется волной по Сибири и России. Наши товарищи показали, что не боятся солдатских пуль, не страшатся смерти, не пугаются крови. Когда обыкновенные люди, действовавшие до того лишь путем мирной пропаганды, возвышаются до такой смелой борьбы, то это значит, что время общего кровавого боя с самодержавием уже недалеко, что час развязки с существующим строем уже бьет, что пора уличных баррикад и всенародного восстания уже близка.

Да здравствует революция!

Долой самодержавие!

15 марта 1904 г.».

IV.

Самоотверженный порыв политических ссыльных, выразившийся в открытой и смелой борьбе с правительством, был сломлен силою штыка и пули. Борьба между сторонами была неравная. Хорошо вооруженному солдату что мог противопоставить человек, живущий в подневольной ссылке, кроме горячей веры в свое правое дело, кроме надежды на прозрение и уступку ослепленного своим властолюбием правительства, кроме любви и горячей солидарности между товарищами и по несчастно сложившейся жизни и по стремлению вырваться из цепких когтей ее? Они — эти люди борьбы и в то же время страдания—были внешне побеждены, но закал духа своего не сломили. Им впереди еще предстояло одно длинное испытание—суд, суд не народный, не представителей общественной совести, которая могла склониться в сторону правых и обездоленных, а суд коронный, формальный, обычно к нарушителям закона строгий и к снисходительности не склонный. И здесь получилась та же неравная борьба: с одной стороны—судьи, вооруженные кодексом правил со строгою ответственностью для посягнувших на защищаемое благо, а с другой — люди, верящие в иной закон,—в закон совести, горячего убеждения и прими-

тивных человеческих прав на существование, в закон—не формально сухой, а жизненный, общечеловеческий, общепонятный всем и каждому, не разделяющий людей на властителей и угнетенных, на сильных и слабых, но для всех признающий одинаковое право на благо жизни и существования. Этим законом политические защищались против формального закона, и хотя они не верили в возможность успеха для себя, но сила убеждения не меркла в них, а потому и предстали они на скамью подсудимых сильными, бодрыми и не падающими духом.

«Настал день суда,—говорится в воспоминаниях одного из участников по этому делу [1]),—наша братия немножко приоделась, так как в тюрьме ходили уж слишком по-домашнему. *Все были весело настроены*... на всем пути от ворот тюрьмы и до здания суда нас приветствовали ссыльные товарищи, присоединяясь к сопровождавшим».

Всего по обвинительному акту предстало перед Якутским Окружным Судом, рассматривавшим дело «романовцев» с 30-го июля по 6-ое августа 1904 года, пятьдесят семь человек политических; 41 первоначально занявших дом «Романова»: Марианна Айзенберг, М. Бройдо, Г. Вардаянц, Д. Винкер, А. Гинзбург, Н. Гельфандт, Л. Джохадзе, Т. Жмуркина, А. Журавель, А. Залкинд, С. Захарович, А. Израильсон, В. Курнатовский, И. Костилянец, А. Костюшко, П. Каган, Н. Кудрин, С. Лейкин, М. Лаговский, Г. Лурье, М. Лурье, А. Медяник, Л. Никифоров, М. Оржеровский, Г. Ольдштейн, О. Погосов, И. Ржонца, П. Розенталь, Анна Розенталь, Ревекка Рубинчик, Л. Рудавский, Л. Соколинский, К. Сонодуро, В. Перазич, П. Теплов, Л. Теслер, Т. Трифонов, Д. Ройтенштерн, С. Фрид, И. Хацкелевич и М. Цукер (Ю. Матлахов был убит во время перестрелки, и дело о нем, за смертью, было прекращено); 13 позднее присоединившихся к первым: В. Бодневский, Д. Виноградов, М. Габролидзе, С. Гельман, М. Доброжгенидзе, Х. Закон, М. Камермахер, А. Мисюкевич, Екатерина Ройзман, И. Ройзман, Р. Рубинчик, И. Центерадзе и П. Шрифтейлик и, наконец,

---

[1]) П. Теплов. «История Якутского протеста».

трое, присоединившихся 1-го марта: М. Зеликман (она же Миндель Саулова), Софья Померанец и И. Виленкин.

Подсудимые, за исключением Никифорова, Виленкина, Зеликман и Померанец, были преданы суду, согласно обвинительного акта, по обвинению в вооруженном сопротивлении администрации и войскам, вызванном требованием политических об отмене циркулярных распоряжений по отношению к ним и повлекшем за собою умышленное лишение жизни двух рядовых местной команды, что предусмотрено 13, 263 и 268 ст. Улож. о Нак.; Л. Никифоров в содействии политическим ссыльным (первым обвиняемым) в осуществлении их требований об отмене правительственных распоряжений, касающихся политических ссыльных, но без участия в выстрелах в солдат и городовых, т.-е. в преступлении, предусмотренном 13, 263 и 266 ст. Улож. о Нак., а Виленкин, Зеликман и Померанец — в способствовании своим товарищам к достижению их цели путем доставления провизии и предоставления Виленкиным им своей квартиры для противодействия властям, — что также предусмотрено 13, 263 и 266 ст. Улож. о Нак.

Обвинителем по делу выступил прокурор суда Л. Гречин. Защитниками подсудимых были Петербургские присяжные поверенные В. Беренштам и Зарудный.

Не останавливаясь на показаниях свидетелей, полицейских чинов, военных и высших местных должностных лиц, представляющих обстоятельства дела в освещении, направленном в сторону обвинения подсудимых по грозным статьям закона, обратим внимание на более живой материал, дающий некоторый простор для мысли, критики и суждений,—на речи, произнесенные на суде участвующими в деле лицами.

Прокурор, держась рамок обвинительного акта, считал доказанным факт самого сопротивления, «незаконно» направленного против «законных» распоряжений властей, а также признавал логически вытекающим из сути дела факт предумышленного убийства солдат, учиненного для достижения преступных целей политических, именно для того, чтобы «заставить и принудить» правительство отказаться от своих распоряжений, стеснительных, по мнению политических, для

них. Он требовал для всех наказания каторгою,—в высшей мере—без срока.

Защитники стояли на совершенно противоположной точке зрения. Фактической стороны дела касался в своей речи Беренштам. Он старался представить дело не в тех ужасных тонах и красках, какими жирно расписывалась картина преступления обвинительною властью, и призывал судей подойти к делу с более жизненной, правдивой и беспристрастной стороны. «Они требовали, говорит между прочим защитник, отмены полного запрещения совершать какие бы то ни было отлучки из назначенных им наслегов. А разве губернатор сам не признал здесь на суде, что без отлучек им невозможно обойтись? Есть наслеги, где якуты не говорят ни слова, где нельзя достать корки хлеба. Без покупки в городе припасов ссыльного ждет неизбежная голодная смерть. Обвиняемый, доктор Розенталь, указал вам,—как мало было отсюда побегов, насколько трудны они для ссыльного. Чем же здесь опасны отлучки?! А ведь за эти отлучки, вызываемые крайней нуждой, совершаемые без утайки, политических ссылали в Верхоянск без суда, по одному голословному доносу полуграмотного урядника! Из учебников географии вы все знаете, что такое этот страшный и для Якутска—Верхоянск! Зимою там полтора месяца стоит непрерывная ночь, другие месяцы—слабый дневной свет бывает только один - два часа в сутки; морозы доходят до 60°, кратким летом солнце совершенно не заходит за горизонт, почта вся идет туда единственным путем из Якутска, медленно двигаясь только отсюда месяц-два, телеграфа нет». Обращаясь к сравнению, защитник, взывая к сердцу судей и стараясь склонить их в сторону большей снисходительности и забвения прошлого, так несчастливо для подсудимых сложившегося, приводит такой легендарный рассказ: «родину постоянно сравнивают с матерью... ни о ком, как о ней, гласит народная мудрость: «дитя не заплачет—мать не разумеет». И притом, какая мать не разумеет?.. Помню, как-то я услышал одну народную песенку о том, что такое настоящая «мать»? Эта песенка была всего из нескольких слов...—Он любил ее... И она сказала ему: «пойди, принеси мне сердце твоей матери, я брошу его со-

бакам». Он пошел, зарезал свою мать, вынул сердце и побежал... И когда он бежал, то споткнулся, упал, и сердце, вывалившись из рук его, покатилось в сторону... И вдруг он услыхал тревожный человеческий голос. Сердце заговорило: «мое бедное дитя, не ушиблось ли ты?!»—Такова, именно такова—любящая, всепрощающая чуткая мать: она может не понять своего дитяти, пока оно не заплачет... «Так и они, политические, думали, что достаточно им было запереться с оружием в руках и заявить свои требования, чтобы этого факта не замолчали, чтобы их услышали... Они думали... и вошли в дом, чтобы хотя своею гибелью закричать о безвыходном положении ссылки... И они стали ждать ответа на телеграмму, того ответа, которого не получили по сию пору». Задавшись далее вопросом, было ли здесь «восстание», защитник отвечает на него отрицательно: «им нужно было только разрешение больных вопросов ссылки... если бы они пожелали восстать, они легко захватили бы город, и тогда, перерезав телеграфную проволоку, сделались бы полными хозяевами области, но... подсудимые не желали скандала; с их стороны была лишь простая самооборона при вызывающих действиях и выстрелах со стороны солдат. Эти действия были вызваны поведением администрации: солдат заставили нести караул на лютом морозе, они, благодаря этому лишились отпусков, томились службой. Недовольство, раздражение солдат подогревалось общим недовольством, раздражением против политических»... Наконец, по вопросу о выстрелах защитник также в корне разошелся с прокурором, отрицая не только намерение со стороны политических лишать жизни солдат, но объясняя выстрелы, как явление «неожиданное» для самих политических, вызванное опять-таки настойчивым и чересчур бесцеремонным поведением самих солдат, из которых двое стали жертвою стрельбы. «Когда тотчас же после убийства двух солдат,—говорит защитник,—Теплов вышел к губернатору, крича и волнуясь, он заявил, что выстрелы раздались неожиданно для них. Прокурор утверждает, что эти выстрелы нужны были политическим для достижения своей цели, что им нужно было бросить «вызов», добиться стрельбы солдат, так как они уже испытывали голод. Нет, у них не было

еще голода. Вы помните акт осмотра дома. Там были найдены: кадка, полная заготовленным тестом, голова сахару, мука, масло, соленая рыба... Прокурор утверждает, что будто солдаты спокойно стояли и смотрели, а политические начали стрелять. Дело вашей судейской совести—поверить обвиняемым или нет! Так что же, в таком случае, вызвало их выстрелы? Благодаря чему им, политическим, закрытие ставен казалось таким невыносимым, ужасным? Не замерзание им страшно. Их не пугала сама смерть. Ведь в дом Романова они пришли с тем, чтобы умереть. И не та смерть, которой все мы, остальные, так боимся, представляла для них смертельную опасность. Для них было ужасом бесследно, никому неведомо, быть взятыми из дома Романова. А ставни все ликвидировали. При закрытых ставнях они не могли защищаться... Нет, подсудимые вошли в дом Романова не с тем, чтобы убивать. Они вошли с тем, чтобы погибнуть. Среди них был уже убитый, были раненые, но не это остановило их протест, вопль. Они готовы были умереть, защищаясь от нападения, боясь за свою неприкосновенность, но быть перестрелянными они не желали, так как ничто не восстановило бы затем правды. И они вышли, чтобы добиться этой правды... И их заявления, прочтенные на суде, лучшее доказательство того, как насущны были требования обвиняемых, как жизненны были они и как неисполнение их было равносильно смертному приговору. И протесты эти против тех циркуляров генерал-губернатора, за отмену которых они решились пожертвовать своей жизнью, будут повторяться, ибо они так же неизбежны, как крик погибающего, как вопль о помощи задыхающегося».

Второй защитник Зарудный посвятил свою речь юридическому разбору состава преступного деяния подсудимых. В начале речи он задается вопросом: «может ли это деяние считаться восстанием, предусмотренным ст. 263? «Ясно, как день, говорит защитник, что восстание — это сопротивление особой большой важности, затрагивающее основные общие условия всего государства или целого края: это — акт революционного движения». «Говоря же о настоящем деле, надо притти к заключению, что циркуляры, касавшиеся порядка отбывания ссылки административно-ссыльными Иркутского

генерал-губернаторства, не могут считаться имеющими общее значение, а потому и сопротивление это должно считаться «частичным», предусмотренным 270 ст. Улож. (караемым лишь исправительным отделением или тюрьмою)». Останавливаясь далее на анализе самых распоряжений правительственной власти и базируясь на тех соображениях, что для состава преступного сопротивления требуется, чтобы эти распоряжения власти были законными, защитник разбирает пунктуально все эти распоряжения, как стесняющие свободу действий политических, и, коснувшись протеста против них политических, говорит: «итак, были ли предъявленные подсудимыми Якутскому Губернатору 18 февраля требования, по содержанию их, незаконными? Замечательно то, что сам и. д. Якутского губернатора Чаплин, ни при личных объяснениях его с подсудимыми во время происшествий, ни здесь на суде не утверждал, чтобы эти требования подсудимых, по существу их, были незаконными, что он одобрил представленный подсудимым Никифоровым и имевшийся в его руках проект телеграммы на имя министра внутренних дел и обещал с своей стороны оказать содействие, чтобы эта телеграмма была принята на телеграфе... Таким образом, в факте подачи подсудимыми заявления от 18 февраля, заключавшего в себе лишь вполне законные ходатайства: об отсылке, как всегда практиковалось, окончивших срок наказания домой на казенный счет; о неприменении изданных, вопреки веления самого закона, постановлений о водворении властью администрации за самовольные отлучки «в отдаленнейшие местности Якутской области»; о соблюдении администрацией предначертаний закона по поводу отмены всяких, кроме точно указанных в «положении о гласном надзоре», репрессий за нарушение этого положения; о неприменении циркуляра, воспрещающего свидания с арестантами, пересылаемыми по этапу, и, наконец, о том, чтобы «никаких репрессалий» по отношению к лицам, подписавшим заявление, применено не было, — все эти требования были законны, а потому нельзя усматривать в них того неповиновения властям, наличность которого необходима для установления преступного сопротивления». Переходя далее к вопросу о действиях администрации по отношению к политическим, забар-

рикадировавшимся в доме Романова и считая таковые действия полиции и войска незаконными и насильственными, защитник продолжает: «подсудимые имели полное право считать насильственные и оскорбительные для них действия полиции и войск, на которые они жаловались в заявлении от 4 марта, незаконными, почему и угроза их прибегнуть, в случае продолжения подобных незаконных насильственных действий, к «вооруженной самозащите» не должна считаться преступной. По закону администрация в праве употреблять силу против частных лиц лишь при соблюдении установленного для этого порядка и после надлежащего об этом предупреждения. По отношению же к ним властями не только не было сделано подобного предупреждения, но, напротив того, начальник области объявил им, что продолжение их пребывания в доме Романова вызовет лишь воспрепятствование им выхода из дома для добывания жизненных продуктов, но не повлечет за собою употребления властями по отношению к ним силы. При таких условиях подсудимые в праве были требовать, чтобы городовые и солдаты не позволяли себе насилий и оскорблений. А между тем в течение ряда дней разнузданные и «озверелые» нижние полицейские и военные чины позволяли себе тот ряд насильственных действий, который не мог не возмутить и не обеспокоить подсудимых... Подсудимые объясняют, что для защиты от самовольных и незаконных действий, которые им грозили от нижних военных и полицейских чинов, от того противозаконного нападения на них, которого в ту минуту они ожидали, они прибегли к оружию и допустили выстрелы. И вот если, господа судьи, при оценке степени доверия, которое вы должны оказать словам подсудимых, вы прислушаетесь к внутреннему голосу вашей совести, то я убежден, что вы не усомнитесь в правдивости этих объяснений... да, подсудимые были административно-ссыльные и поднадзорные, да, они заперлись в своей частной квартире и не выходили оттуда по требованию губернатора, но потеряли ли они вследствие этого право защиты своей личности от насилия и оскорблений? И когда они увидели прямые приготовления к нападению на них, готовившиеся вне законного порядка и въ противность объявленных им распоряжений начальника местной администрации, когда это на-

падение началось, и один из них получил удар камнем, брошенным солдатом, когда предупреждения о том, что они будут защищаться и стрелять, не подействовали,—что им оставалось делать?.. Мне достаточно только вспомнить то страшное оскорбление, которое нанес солдат одной из находившихся в доме Романова женщин для того, чтобы сказать с уверенностью, что если бы я очутился в доме Романова, то выстрел оттуда раздался бы раньше... И в самом деле, что было бы, если бы со стороны политических не раздались эти выстрелы? Возбужденные, озверелые, и, есть полное основание это думать, в значительной степени пьяные солдаты решили, во что бы то ни стало, вызвать столкновение с политическими с тем, чтобы получить возможность убивать их... В силу воинской дисциплины, на солдате, более чем на ком-либо другом, лежит обязанность беспрекословного подчинения велениям закона и уважения к охраняемым законом правам личности и что, в случае противозаконного нарушения воинскими чинами этих прав, частное лицо может защищаться против воинских чинов так же, как и против всякого другого насильника. Один из подсудимых сделал два выстрела, защищая свою жизнь, свою личность, свое человеческое достоинство. Это было не сопротивление властям, это была необходимая личная оборона. Но если бы вы признали, что подсудимые допустили выстрелы уже после отвращения непосредственной опасности, без крайней нужды, то и тогда у нас еще не будет законного основания для признания в данном случае умышленного убийства, налицо будет лишь превышение необходимой обороны.

В заключение своей речи защитник призывал судей рассмотреть те душевные побуждения, те мотивы, которыми руководствовались подсудимые при вменяемых им в вину поступках, и говорит: «Вы должны разрешить вопрос, действительно ли условия жизни административных ссыльных в Якутской области были настолько тяжелы, как это объясняют подсудимые, что протест против них не может не вызвать сочувствия со стороны беспристрастного суда, или, напротив того, поведение подсудимых не находит себе никакого оправдания в той обстановке, в которой они жили, является лишь результатом преступной воли и склонности к беспорядкам.

Если вы не зададитесь целью понять внутренний смысл действий подсудимых, то вы вынете душу из вашего приговора. Правда ли, что условия жизни административных ссыльных в отдаленных местах нашего отечества страшно несправедливо-тяжелы и что некоторые из последовавших в последние годы административных распоряжений сделали эти условия совершенно невозможными для сколько-нибудь нормальной человеческой жизни? Наше время не может более терпеть всех безобразных явлений ссылки, всего того, что происходит в ее распущенной и беспорядочной области. Это не мои слова, г.г. судьи, это слова министра юстиции, произнесенные им 24 апреля 1900 года в заседании государственного совета по вопросу об отмене ссылки. Нельзя мириться, — говорит далее статс-секретарь Муравьев,—с нынешним вполне расстроенным, глубоко-вредным положением всего ссылочного строя, если так можно называть колоссальное фактическое сплетение неустранимых беспорядков и роковых недоразумений. Один изъ подсудимых, во время судебного следствия, назвал ссылку медленною смертною казнью. Знал ли подсудимый, когда он говорил это, что он повторяет лишь слова бывшего Иркутского генерал-губернатора графа Игнатьева, который, как это опубликовано в официальном органе министерства юстиции, в одном из своих всеподданнейших отчетов, назвал ссылку в Сибирь особой формой медленной смертной казни. Если же вспомнить сделанный перед нами подсудимым доктором Розенталем подсчет числа политических ссыльных Якутской области убитых, покончивших с собою, умерших и сошедших с ума за несколько последних месяцев, то, быть может, справедливее будет назвать нынешнюю ссылку в Якутскую область «быстрою» смертною казнью».

«Кто эти лица,—продолжал защитник,—идущие сюда в ссылку с отстоящей отсюда на много тысяч верст родины? Это не опороченные судебным приговором люди, это лица, ссылаемые административным порядком под гласный надзор полиции. Не красна и прежде была ссылка, и, однако, в своих объяснениях подсудимые чуть ли не с некоторою благодарностью вспоминают о прежних порядках, а в вменяемых им в вину требованиях, предъявленных ими властям, они про-

тестуют лишь против нововведений последних лет, окончательно отравивших их и прежде бывшее нелегким существование в ссылке. И ради изменения этого «нового режима», ради того, чтобы добиться в этом отношении возвращения к прежним, в течение многих лет применявшимся порядкам,— они шли на смерть. Если правда, что ссылку в Сибирь можно уподобить медленной смертной казни, то следует ли возмущаться, когда казнимый инстинктивно отталкивает руку палача, пытается сорвать наброшенную ему на шею веревку»?

Так говорили защитники подсудимых, люди, случайно попавшие на короткое время суда в эту область, которая долгие, длинные годы, как могила, закапывала заживо погребенных в недрах ее и плотно закупоренных разными усмотрениями и распоряжениями власти людей.

Теперь послушаем, какой крик наболевшего, натруженного сердца вырывается из уст тех героев-борцов, которые не только своею жизнью в ужасно-тягостных условиях ссылки заслужили это название, но и своими прямыми и смелыми действиями против административного режима оправдали его.

Целый ряд подсудимых яркими красками фактов действительности нарисовал перед судом живую картину невыносимых условий существования политических ссыльных при господстве Кутайсовского режима.

«Я хочу изложить суду те ближайшие причины и мотивы, которые побудили меня 18 февраля, наряду с сидящими здесь на скамье подсудимых товарищами и покойным Матлаховым, подписаться под заявлением, поданным губернатору Чаплину, и в ожидании выполнения предъявленных мною требований запереться и забаррикадироваться в доме Романова», так начал свою речь подсудимый Розенталь. «Сейчас же по прибытии, для ссылки начались черные дни все усиливающегося произвола и репрессий. Уже через две недели по приезде нам всем прочитали два новейших циркуляра Иркутского генерал-губернатора, в которых, под угрозой ссылки в отдаленнейшие места Якутской области, запрещалось самовольно отлучаться из назначенных для жительства мест и выходить для встречи приезжающих и проезжающих партий. Во исполнение новых циркуляров, Якутская адми-

нистрация решила все вновь прибывающие партии задерживать в тюрьме, в город не выпускать, а прямо из тюрьмы рассылать по улусам. Всякий, кто знает, как продолжителен, опасен и труден путь в Верхоянск, Колымск, каковы условия жизни в улусах, где нельзя решительно ничего достать из платья, утвари, провизии, легко поймет, как бессмысленно жестоко было это решение администрации. В эти далекие, суровые места, в которых могут жить только люди с крепкими организмами, посылались нередко больные люди, как Камай, Карагулянц, Гурари, Будилович и сидящие тут на скамье подсудимых, не успевшие выехать Габронидзе, Центерадзе, Доброшгенидзе, Израильсон, для которых эти места— безусловная смерть. Во исполнение тех же пресловутых циркуляров, перестали совершенно вновь селить в самом городе Якутске». Указав далее на условия, более благоприятные для жизни, хотя в жалком городе с 8 тысячами жителей, Якутске, но все-таки представляющем удобства и преимущества для заработка в мастерских, фотографии, монополии или в виду возможности найти занятия другого рода — репетиторства, школьное преподавание и проч., Розенталь говорит: «не только перестали оставлять в Якутске кого бы то ни было из вновь прибывающих партий, но начали гнать оттуда всех политических, создав для ссылки своеобразную черту оседлости, отличающуюся от западной черты тем, что в последней позволялось жить только в городских поселениях, здесь же, как раз наоборот, ссыльным предоставляется жить только в глухих наслегах среди болот и тайги».

Обрисовав в дальнейшем жизнь в наслегах и «мрачных, сырых, заброшенных и промерзлых юртах» и подчеркнув то обстоятельство, что «лишив передвижения, администрация буквально сделала политических крепостными, Розенталь останавливается на таких моментах жизни в Сибири, когда немыслимо держаться строгого исполнения сурового циркуляра, запрещающего самовольные отлучки. «Единственно уважительною причиной, которую, повидимому, начальство склонно было признавать—была серьезная, опасная болезнь, да и то хлопоты о переезде сопряжены с такими формальностями канцелярской волокиты—от врача к врачебному инспектору, от этого последнего к губернатору—что ответ, положитель-

ный или отрицательный, пришел бы слишком поздно: больной или умер бы или выздоровел. Вообще беспомощнее политического ссыльного в случае болезни трудно что-нибудь придумать. Нигде нет таких огромных расстояний между врачебными или фельдшерскими пунктами, такого безнадежного недостатка лекарств, такого бездорожья и таких трескучих морозов. И в такой-то области, где врачи и фельдшера не имеют возможности ездить по вызову больных, прикрепляют неподвижно к глухому наслегу людей культурных, не возлагающих, подобно окружающему Якутскому населению, всех своих надежд на шаманов. Я знаю такие случаи, когда приходилось ножницами выковыривать себе больной зуб; когда люди голодали месяцами. Чтобы сделать отлучки окончательно невозможными, якутам запрещали, под страхом наказания, давать политическим ссыльным лошадей. Получается такое впечатление, что все эти циркуляры об отлучках нужны только для того, чтобы отравить существование ссыльного, чтобы сделать его жизнь невыносимою. Мириться с этим ссыльные, однако, никоим образом не могли. Помимо унизительности такого состояния, помимо того, что их человеческое достоинство страдает на каждом шагу,— жизнь теряет для них всякую ценность». Далее Розенталь останавливается на осуществлении полицейского надзора за политическими и говорит: «не только наш домашний очаг, не только каждый наш шаг на улице, но и вся наша переписка превращена в достояние полицейских служителей, сельских властей. Наша корреспонденция распечатывается и в таком раскрытом, для всех доступном виде, шествует через руки исправников, старост, писарей». «Итак, в каком виде рисует себе жизнь такого поднадзорного административно-ссыльного Иркутский генерал-губернатор граф Кутайсов?» задается вопросом Розенталь и такъ на него отвечает: «в самом Якутске никого не оставлять. Селить среди якутов, не говорящих по-русски, по глухим наслегам, по возможности, в одиночку, на место ехать немедленно, там жить неотлучно. За каждым шагом политического учредить строгий надзор. На его квартиру наведываться несколько раз в день, отписывать, чем он занимается, с кем видится, о чем разговаривает. Все письма его, как получаемые, так и отправляемые,

вскрывать и читать. В случае нарушения правил этого надзора ссылать в Верхоянск, Колымск, а с последнего времени в Булун. По окончании ссыльным срока от министра внутренних дел зависит, разрешить ли ему ехать домой или сделать надбавку в 2, 3, 5 лет. Но и в том случае, если он отпускается на родину, ему предоставляется совершить обратный путь, как знает, на свой собственный счет. Таковы идеалы «нового курса». Губернатор Булатов за все время пребывания в Якутске, с осени 1903 по февраль 1904 года, проводил их в жизнь с такою неуклонностью, что протест против них был неизбежен... Совершенно справедливо считают самоубийства и психические заболевания показателями ненормальности данных условий существования. Самоубийства случались и раньше в Якутской области, но происходили они лишь спорадически: Гуковский в 1900, Калашников в 1900, Шведов и Янович в 1902, Мартынов в 1903. Но вот с осени 1903 года начал осуществляться в Якутской области «новый режим», достигший максимума своего развития в феврале этого года, т.-е. в момент нашего забаррикадирования, и что же мы видим в результате?»

«15 марта этого года покончил с собою в Колымске Комай. Он был сослан на 8 лет, и в Якутске ему объявили место назначения—Колымск. Он был психически неуравновешенный человек, и Колымск был для него несомненно гибельным местом.—Начиная с Красноярска вплоть до Якутска я ехал в партии вместе с Анатолием Алексеенко, бывшим студентом, сыном полтавского помещика, привлеченным по делу о крестьянских беспорядках. Этому хрупкому, болезненному юноше назначили административным порядком драконовский приговор—10 лет Восточной Сибири. В Якутске его ждало назначение в Нижний Колымск. Но мы приехали в последние дни пребывания здесь губернатора Скрипицына, и Нижний Колымск был ему заменен Амгою. Это, конечно, отсрочило, но не спасло его от сумасшествия. Он покушался на самоубийство и в припадке умопомешательства водворен в местной больнице.—5-го марта приехал сюда сильно избитый в Костроме студент Крылов и здесь через 2 месяца в припадке душевной болезни нанес себе рану в область сердца, к счастию несмертельную.—Погибли далее:—товарищ

Куранов, утонувший во время переправы через приток, направляясь в 1-й Теламинский наслег, труп его нашли только через 5—6 недель спустя.—Утопился в Лене бывший студент Раков.—В июне покончил с собой выстрелом из револьвера Хавскій.—Хамврики доехал до Якутска только для того, чтобы умереть здесь в больнице от оспы.—Шац убит конвойным солдатом под Нохтуйском по пути в Якутск; Матлахов убит в доме Романова на баррикадах. Итого, три самоубийства и два покушения на него, семь смертей и три сумасшествия. Это за последние 4 месяца. Не слишком ли этого много для Якутска?».

«Все эти-то условия, на которые больные, слабые люди реагируют самоубийствами и психозами, вызывали с нашей стороны; людей менее пассивных, желание заявить протест, чтобы добиться изменения режима. Мы знали, что «новый режим» не есть продукт случайный, не вытекает только из личных качеств генерал-губернатора, а целиком связан с данным историческим моментом. И тем не менее, другого метода протеста, другого способа добиться улучшения режима—мы не имели. Оставалось только съехаться в возможно большем числе в городе, послать коллективное заявление губернатору и в ожидании ответа собраться всем в одном месте, а для того, чтобы нас не могли сразу взять—запереться и забаррикадироваться. Вот это именно мы и сделали».

А. Израильсон в своей речи коснулся крайне тяжелого подневольного существования лиц, обреченных на ссылку в Сибирь, благодаря полной зависимости политического от «наблюдающих» за ним лиц низшей и «издающей» циркуляры — высшей администрации. «Я приехал в ссылку (в деревню Осинское, Балаганского уезда, Иркутской губернии) в августе прошлого года, когда начали входить в силу секретные и несекретные циркуляры генерал-губернатора. Весь этот год представлялся мне каким-то страшным, тяжелым кошмаром, который давил и душил меня не во сне, а на яву, и конца которого не предвидится. Начну с того, что отсылка и получение корреспонденции нашей были сопряжены всегда с оскорбительными для нас инцидентами. Сознание того, что волостной писарь—этот грубый, лишенный всяких деликатныхъ чувств человек, читает ваши письма от жены,

родных, друзей и, быть может, глумится над ними и что вы бессильны помешать этому, возмутит хоть кого. Затем около нашей квартиры постоянно терся какой-то подозрительный субъект, приставленный, как оказалось потом, следить за нами.

Рассказав о том, как он не впустил этого субъекта в свою квартиру, и как, не взирая на смелое и нахальное заявление этого субъекта, что он явился «проверить» поднадзорных и даже при поддержке урядника, как лицо совершенно неизвестное политическим, он не был допущен до производства «обыска», которого добивался, Израильсон продолжает: «я, помнится, был в это время очень нездоров и под впечатлением происходившей перед домом безобразной сцены, когда неизвестный субъект, урядник и целая толпа десятских и сотских требовали, чтобы мы впустили «г. надзирателя»,—так урядник в первый раз величал перед нами упомянутого субъекта, и готовы уже были пустить в ход бревна для взламывания двери, — так вот я совершенно серьезно крикнул ему, что стрелять в него, может быть, не буду, но застрелюсь сам... Урядник после этого решил уйти, а я был обвинен «в сопротивлении» и сослан в Якутскую область вместе с пришедшим ко мне после описанного происшествия товарищем Фишем». Заканчивая свое повествование, Израильсон сказал: «Я пошел в дом Романова, предпочитая умереть там от солдатской пули, чем медленно и безмолвно умирать в далеком Верхоянске, который, в виду тяжелых условий существования, дороговизны самых необходимых для жизни припасов, сурового климата, для меня, человека с очень расстроенным здоровьем и не имеющим, кроме того, никаких личных средств, наверное сделался бы скоро могилою».

Остановимся на речи Наума Кагана, который начал говорить так: «я хочу объяснить, что меня толкнуло на протест и привело сюда, на скамью подсудимых. Я ни минуты не сомневался, что мы будем сломлены, потому что самодержавное правительство перестало бы быть самим собою, если бы не прибегло для укрощения строптивых к силе. Я смотрел на себя и на своих товарищей, как на людей обреченных, — и тем не менее я пошел на борьбу, пошел бодро,

радостно, с сознанием, что то, что я делаю, важно и нужно. И вот почему наш протест казался мне важным и нужным».

Далее Каган излагает историю своего заточения и скитания по тюрьмам и этапам и знакомит со всею ужасающею и неприглядною стороною этой жизни: «надо сказать, что шел я в ссылку в июле — августе 1903 г., то-есть как раз тогда, когда граф Кутайсов вступил в управление Восточной Сибирью... Сопровождавший партию офицер поручик Прусиповский был человек, повидимому, не злой, но все эти циркуляры, предписания и строжайшие инструкции до того взвинтили этого усердного, вдобавок недалекого и малограмотного служаку, что он склонен был усматривать чуть ли не бунт в малейшем пустяке, вроде, например, требования, чтобы в паузках были прорублены для света окошки... Возле Киренска дело дошло до того, что солдаты бросились на нас с прикладами, причем одному из наших, Сикорскому, пробили голову. В течение нескольких часов Прусиповский, недовольный мною, как старостою партии, за разного рода заявления ему претензий по улучшению быта находящихся в этапе политических, разражался по моему адресу площадной бранью; как разъяренный зверь, бросался на меня с кулаками, когда я делал попытку уйти от оскорблений, и минутами мне страшно много было нужно употребить самообладания, чтобы не схватить его за горло. Но что я мог сделать одинокий, без оружия, окруженный солдатами?!».

«33-х-дневное плавание на паузках (род парома) было прекрасной школой протеста для всей партии. Нас пронизывали чрез наскоро сколоченный из досок паузок туманы и холодные ветры. Почти вся партия переболела. Все наши просьбы о принятии каких-либо мер были тщетны. Это было сплошное мучение. Прибавьте к этому, что почти всю дорогу мы не имели возможности видеться ни с одним из наших ссыльных друзей и родных. Нам не давали возможности покупать что бы то ни было на берегу. Таковы первые уроки, которые мне дала сибирская действительность».

Глубоким чувством проникнуты нижеследующие строки его речи, где он обращается к внутреннему убеждению судей и просит их вдуматься в безотрадное тяжелое положение людей, узнавших страдания этапного пути.

«Вдумайтесь, продолжает Каган, хоть немного, в эту бледно нарисованную мною картину, — и вы поймете, что должны были переживать мы, люди с высокоразвитым чувством человеческого достоинства, преследуемые именно за неумение мириться с гнетом и насильем, вы поймете, что даже самые миролюбивые из нас не могли не затаить в душе гнев и возмущение. Недаром здесь, на скамье подсудимых, сидят все те из нашей партии, которые во время организации протеста находились либо в Якутске, либо в не слишком отдаленных улусах. Это не простая случайность. Они, как и я, прошли хорошую школу».

Так же безотрадна жизнь и на самом месте ссылки: «после долгих переговоров, продолжал Каган, по прибытии моем в Богорадский наслег, выяснилось, что во всем наслеге нет ни одной свободной юрты. Мне пришлось жить на даче, совершенно не приспособленной для холодов: стены покрывались инеем, в самоваре и ведре замерзала в комнатах вода, обувь до того примерзала, что я должен был предварительно долго отогревать ее на камельке».

В дальнейшем Каган касается «последнего этапа», приведшего его на скамью подсудимых.—Он вспоминает одно происшествие, которое «тяжелым кошмаром долго и неотступно преследовало его»,—это прибытие в Якутск 11 февраля, т.-е. за неделю до «Романовки», партии политических ссыльных, которую «по дороге, в Усть-Куте и Киренске. вязали и били за требование свидания с товарищами». «Рассказы прибывших товарищей потрясли меня, перевернули во мне душу. Особенно меня мучило одно представление: это сцена избиения одной политической женщины... я почти видел перед собою эту дикую, чудовищную картину. Необходимо было, напрягши все силы, крикнуть миру, что здесь, в этой огромной и страшной тюрьме, которая называется сибирской ссылкой, бьют и душат, что здесь задыхаются и гибнут сотни молодых жизней. Так думал не я один, — и 18 февраля я очутился с товарищами за баррикадами... И если бы во мне хоть на минуту зародилось сомнение, не поступили ли мы слишком опрометчиво, необдуманно, то факты последнего времени рассеяли бы их без следа: потрясающая драма, разыгравшаяся в течение многих дней на

паузках и закончившаяся кровавым финалом вблизи Похтуйска, причем был убит товарищ Шац и ранен товарищ Минский, застреливший насильника офицера; другая, менее известная драма, выразившаяся в зверском избиении политических ссыльных в селе Мартыновском, Иркутской губ., все это внушает мне еще большую уверенность, что наш протест был важен и нужен».

«Более того: я глубоко убежден, что он был только началом, что будущее ссылки чревато целым рядом драматических столкновений, и единственными виновниками их явятся, как и в нашем деле, авторы и исполнители бесчеловечных циркуляров. Они, а не мы должны были бы фигурировать на скамье подсудимых», — так закончил свою полную горячего негодования и благородного возмущения речь Каган.

Речь М. Бройдо полна иллюстраций к случаям применения на практике Кутайсовских циркуляров.

«Возможно, что и до Кутайсова существовало воспрещение свиданий в пути так же, как и запрещение самовольных отлучек,—так говорит между прочим Бройдо,—но и то и другое существовало больше на бумаге, — жизненные условия брали свое. Общее направление до-кутайсовского режима было таково, что власти избегали всяких историй и столкновений, и фактически достаточно было известного такта и одной лишь готовности со стороны ссыльных настаивать на своих требованиях, чтобы эти запрещения превратились в более или менее пустой звук. С назначением на пост генерал-губернатора графа Кутайсова картина сразу же резко меняется. Если не ошибаюсь, мне одному из первых пришлось испытать на себе действие нового режима. Это было на масляннице 1903 г. Желая немного отдохнуть и освежиться, я решил поехать на три праздничных дня к товарищу в село Макаровское, расположенное в 60 верстах от Киренска, и счел даже нужным заявить об этом дежурному чиновнику в полицейском управлении. Через полчаса после ухода оттуда является городовой с требованием пожаловать к исправнику и с циркуляром для подписи. Циркуляр этот исходил от генерал-губернатора и гласил, что виновный в самовольной, без разрешения надлежащих властей, отлучке

из места водворения, куда бы то ни было, подлежит высылке в отдаленные места Якутской области. В Макаровское съездить так мне не было дано разрешения.—Тем не менее исправник настрочил на меня донос, повидимому, за то, что я отказался подписать незаконный циркуляр генерал-губернатора, так как самовольные отлучки предусматриваются уставом о состоящих под гласным надзором, и через несколько недель получилось из Иркутска распоряжение немедленно выселить меня в село Нижнеилимское».

Свой путь до указанного села Бройдо так описывает:

«В Усть-Куте, в ожидании прибытия паузка, мы прожили две недели... Там мы имели возможность наблюдать несколько случаев применения Кутайсовских циркуляров. За желание свидания с прибывшей партией двое товарищей—Бронштейн и Басс—были посажены приставом в каталажку; к подсудимому, товарищу Закону, оставленному по болезни в Усть-Куте и лежавшему тогда в лихорадке, с сильно повышенной температурой, является пристав и требует, чтобы он немедленно же встал и отправился к пароходу для следования в Якутск, а если не в силах пойти на пароход, то его возьмут силой. Усть-Кутский врач показывал мне строжайшее распоряжение из Иркутска оставлять из партии лишь серьезно больных. Я спросил, что значит серьезно больной. А вот если ко мне притащат полумертвого человека, я отсылаю его умереть в больницу,—ответил мне доктор».

Описав свое путешествие до Якутска и коснувшись образа действий «кутайсовского» поручика Прусиновского, о котором уже повествовал Каган, Бройдо говорит о своем пребывании в Якутске: «это было 24 августа 1903 г. В Якутске новый курс еще слабо чувствовался. До-кутайсовский режим, правда, уже отмер, но дух его остался в лице губернатора Скрипицына. С отъездом его и переменою состава высшей областной администрации жизнь становилась нестерпимее день-ото-дня».—Повторив все то о чем говорили другие подсудимые по части запрещений и стеснений, созданных для политических циркулярами, Бройдо так закончил свою речь:—«Наиболее жизнеспособные элементы ссылки сразу всколыхнулись; стало ясно, что пробил час дружного, общего протеста, что нужно дать исход давно уже

*

накопившемуся чувству возмущения против нестерпимого условия жизни в ссылке. Отмена циркуляров гр. Кутайсова была важна для меня не столько потому, что отменялись запрещения свиданий, отлучек и т. д., сколько потому, что этим самым уничтожался дух прижимок, бесцельных и ненужных жестокостей, надругательств над ссыльными, изменялся общий тон отношений между ссыльными и местной администрацией... Я убежден, что наш протест достиг своей цели, и убежден, что теперь в ссылке установится новый строй отношений, на основе, исключающей произвол и надругательство над личностью ссыльного».

Из речи А. Залкинда можно усмотреть, как и во что выливались разные распоряжения администрации о «прибавках» и «надбавках» и разных ухищрениях, расточаемых властями в измышлении способов стеснения свободы политических ссыльных.

«Живу я в Сибири уже 5 лет, говорит Залкинд. При мне были генерал-губернаторами Горемыкин и Пантелеев. При них ссыльным жить было можно. За отлучки вне пределов виновные наказывались, согласно уставу о поднадзорных, обыкновенно арестом от 1 до 3-х дней или штрафом в 1 рубль, а за отлучки в пределах стана вовсе не наказывались. Свидания с приходящими партиями разрешались, переводы в другие места также давались сравнительно легко: по медицинскому свидетельству или в виду ссылки на необходимость приискать работу. Но со вступлением в управление краем графа Кутайсова вся картина сразу меняется: все то, что раньше было возможно и законно, теперь при Кутайсове стало невозможным и незаконным. Я дважды кончил срок ссылки и дважды получил прибавки, я всего был сослан на 4 года, и вот за 6 месяцев перед окончанием срока я был арестован в селе Знаменском, отправлен в Иркутск, там я просидел 7 месяцев в тюрьме и получил год прибавки. Я даже отбыл и этот срок, мне уже оставалось каких-нибудь 3—4 месяца, как «вдруг я был вторично арестован и выслан в Якутск».

В дальнейшем Залкинд излагает подробности ареста его, заключения в волостную тюрьму и отправления в Якутск, где он долго добивается узнать причину высылки и после

долгих стараний узнает, что выслан он за сопротивление властям, выразившееся в том, что отказался подписать два циркуляра, воспрещающие самовольную отлучку и встречи партий по дороге. «Я был назначен, заканчивает Залкинд, в 35 верстах от Якутска в Кильдемский наслег, я уже примирился с своей высылкой... Когда мне оставалось всего одна неделя до окончания срока, я приехал в город, пошел в окружное управление просить, чтобы приготовили мне бумаги заранее. В ответ на эту мою просьбу исправник меня спросил: «а скажите, пожалуйста, вы как пришли в город, с разрешения или без?» Я ответил, что без разрешения; тогда он мне сказал: «вы ведь знаете, что за самовольную отлучку ссылают в Колымск», причем прибавил, что относительно меня нет никаких бумаг, и не знает, кончаю ли я срок или нет. В областном управлении я узнал, что мне срок продлен на 5 лет, за самовольную отлучку, хотя я за все время моей ссылки почти ни разу самовольно не отлучался. Секретарь управления подал мне бумагу, в которой я прочитал: «на основании 138 ст. положения о государственной охране—особым присутствием департамента полиции министерства внутренних дел определено продлить срок ссылки ссыльно-политическому Арону Залкинду, в пределах Якутской области, еще на 5 лет, считая срок с 17 февраля 1904 года по 17 февраля 1909 года», и только. И опять ни слова мотивировки такого приговора».

Интересные сведения дает в своей речи X. Закоп об «якутах», выступающих в роли надзирателей за политическими и шпионов за ними: если мне по пути до Якутской области счастливо удалось избегнуть нового курса, то я его скоро уже изведал в Якутской области. Меня поселили в Намском улусе. Первые несколько месяцев прошли спокойно, но вот приезжает ко мне земский заседатель и привозит с собою два циркуляра, «милую заботу» графа Кутайсова о ссыльных. Сразу вся атмосфера переменилась: «наслег» ожил, якуты устраивали собрания, обсуждали вопрос о том, как обращаться с нами, постановили не давать нам лошадей, назначили специальных надзирателей над нами. Через некоторое время ко мне в юрту является пьяный якут, приносит циркуляры, предъявленные мне уже заседателем, и

вдобавок дает мне читать «бумагу», которая говорит, что он «представлен» следить за нами. Я ему сказал, чтобы он не смел ходить ко мне, если ему дорога его жизнь. Якут поспешно удалился и больше не являлся. Немного спустя ко мне в юрту врываются другие три якута, и один из них, не видя перед собою моего другого товарища, с которым я жил вместе, спрашивает, где мой товарищ. Я в свою очередь задаю ему вопрос: «зачем тебе товарищ»?—«Как так,—отвечает якут,—мне на него смотреть надо».

— «Если хочешь придти в гости,—возразил я ему,—пожалуйста, приходи, но если думаешь следить за нами, то не смей являться, я прямо застрелю, и тут же указал ему на висевший револьвер. Угроза подействовала, якуты больше не являлись».

И Хацкелевич в своей речи приводит рассказ о происшествии с ним и его товарищами по дороге в Якутск в Усть-Куте и Киренске.

В Усть-Куте он и его другие товарищи хотели повидаться с партиею других ссыльных, а когда им, прикрываясь Кутайсовскими циркулярами, в этом отказали, они настаивали на своем и, прося послать телеграмму губернатору по этому поводу, отказались ехать дальше. «У меня есть особые инструкции, сказал пристав, и если партии не захотят ехать без свиданий, то брать их силой, и потому заявляю вам, что я вас увезу отсюда «тепленькими» и советую ехать без скандалов». Тогда ему староста заявил, что мы решились на все, и если он не желает на свой счет послать телеграмму губернатору, то мы согласны отправить ее на собственный счет... И вот начавшийся крупный разговор кончился тем, что пристав приказал взять одного из наших товарищей. Тогда бросился с шашкой урядник, солдаты с ружьями, десятские и сотские с веревками, и началось самое жестокое избиение. Пристав в это время исчез куда-то. Избивая и связывая, нас отвели во двор в одних рубашках, без шапок, посадили в кошевы и под усиленным конвоем сотских и десятских отправили нас из села. Избитые и измученные, мы отправились дальше, в надежде, что в Киренске наверное будем иметь свидание с товарищами. Когда нам в Киренске не давали свидания, и мы заявили, что отказываемся ехать

дальше, исправник велел нас одеть, связать нам руки и вести поодиночке к кошевам. Измученные физически и нравственно, мы принуждены были отказаться от свиданий. Приехав в Якутск и познакомившись с условиями жизни в ссылке, я решил, что лучшего исхода нет, надо избрать тот путь, который я избрал, то-есть итти в «Романовку».

И. Виленкин, главным образом, в своей речи коснулся вопроса о вызывающем поведении солдат, приставленных для наблюдения за «романовкою». Изложив фактическую сторону вполне соответственно приведенному в этой статье описанию дела «романовцев», Виленкин сказал: «я нарисовал перед вами картину тех нравов, которые господствовали среди солдат, охранявших дом Романова. Из этой характеристики, основанной на немногих и случайно выхваченных фактах, с достаточной очевидностью вытекает вывод, насколько могли солдаты исполнять возложенную на них обязанность разобщения засевших в доме Романова с внешним миром. И если поставить вопрос, на что были способны эти люди, которым была вверена судьба 57 человек, кроме наглой и бесстыдной провокации, поощряемой некоторыми полицейскими чинами, то ответ на него для беспристрастного человека слишком очевиден».

«Солдаты издевались, вели себя возмутительно, лишь бы «вызвать» товарищей и тем развязать себе руки. Для меня это установленный факт».

Остановимся на последнем слове П. Теплова.

«Общие причины нашего протеста достаточно выяснены моими товарищами, которые нарисовали перед судом безотрадную картину теперешнего положения ссылки, те невозможные, унижающие человеческое достоинство, условия, в которые поставлены политические ссыльные Кутайсовским режимом».

Далее Теплов говорит об обстоятельствах его личной жизни, приведшей его в Сибирь. «Я попал в Сибирь, можно сказать, «прямым сообщением» с берегов Женевского озера в Вилюйск. На Западе я пробыл 9 лет, живя в Швейцарии и Австрии. Там я научился высоко ценить права человеческой личности, привык к тому, чтобы с уважением относились и к моему человеческому достоинству. Приехав на родину, я

был сослан на 5 лет не за какое-либо преступление, а единственно на основании доноса провокатора М. Гуровича и по бесконтрольному усмотрению жандармов Московского Охранного Отделения. «Преступление», за которое меня сослали, есть специфически-русская—«политическая неблагонадежность». Приехал я в Якутск как раз в момент ликвидации «старого» и водворения «нового» курса по отношению к политическим ссыльным».

Далее Теплов уже касается известных циркуляров графа Кутайсова и обрисовывает создавшееся благодаря им положение вещей для политических. «Теперь из Иркутской и Енисейской губерний потянулись в Якутскую область целые десятки жертв «нового курса»—товарищей, пересылаемых в отдаленные места области за нарушение Кутайсовских циркуляров, за попытки свиданий, за отлучки в 5—10 верст. Тем же самым административным порядком на высланных товарищей налагалось второе тяжелое наказание: им объявлялась прибавка срока ссылки в 2, 3—5 лет, многим накануне желанного отъезда на родину... А тут еще в самом Якутске начались прижимки с отправкой в Россию на казенный счет отбывших ссылку. Администрация стала заявлять, что не обязана этого делать».

Затемъ остановившись на вопросе о зарождении идеи протеста и выработке формы такового, Теплов продолжает: «и раз мы хотели придать нашему протесту серьезное общественное значение, чтобы наши протестующие голоса, наш призыв к борьбе с режимом Кутайсова были услышаны далеко, не желая при этом второй Якутской бойни, дикой расправы над людьми, совершенно беззащитными против зверств и насилий полиции и солдат, то единственным выходом для нас была именно та форма протеста, которую мы избрали,—теперь я говорю это с еще более глубоким убеждением, вынесенным из опыта. Только решимость отстаивать наши требования всеми силами, рискуя собственной жизнью, только готовность умереть с оружием в руках, защищая от проявлений грубого насилия и поруганий наше человеческое достоинство, могли гарантировать протесту широкое общественное значение и воспрепятствовать дикому избиению протестантов «охранителями порядка».

Останавливаясь на самом событии нахождения в доме Романова, Теплов в своей речи оттеняет те обстоятельства, что наши выстрелы были не вызовом солдат, как думает прокурор, а средством необходимости обороны против наступательных, провокаторских действий солдат. Необходимость этого «вызова» г. прокурор объясняет наступившим у нас якобы голодом». Опровергнув такое положение ссылкою на те обильные запасы, которые были в распоряжении «романовцев», Теплов в дальнейшем ссылается и на то обстоятельство, что «если бы выстрелы с нашей стороны были вызовом», то за «вызовом» неизбежно должны бы последовать наступательные, воинственные действия с нашей стороны, вызванные отчаянием наступающего голода. В действительности же после двух выстрелов 4-го марта наша тактика до выхода из «Романовки», как и за все время протеста, оставалась строго оборонительной».

Наконец, Теплов, коснувшись вопроса о причине, побудившей «Романовцев» сложить оружие, так заканчивает свою речь: «мы протестовали с решимостью защищаться против насилий до последней капли крови, мы были готовы умереть, охраняя свое человеческое достоинство с оружием в руках в открытом бою, при возможности дорого продать свою жизнь. А умереть пассивно от солдатских пуль или с голоду, при невозможности сопротивления и наказания убийц, покорно умирать в стенах «Романовки» или быть расстрелянными при выходе на улицу, бесцельно гибнуть на потеху своих врагов,—такого дикого решения у нас не было и не могло быть принято. И потому, убедившись окончательно в безуспешности дальнейшего пребывания на «Романовке» для успеха нашего протеста, как и в невозможности действительной самообороны против непредвиденной раньше зверской тактики расстреливания нас издали, мы решили сложить оружие, но продолжать начатую борьбу с позором и вопиющим беззаконием Кутайсовского режима разоблачением всей правды на суде и путем широкой агитации в русской и заграничной прессе».

Еще говорили на суде: В. Бодневский—«бывший офицер», выступавший с горячими разоблачениями против поведения солдат, охранявших «Романовку». «Как бывшему офи-

церу, мне очевидно все то безобразие, вся та распущенность, что царили в местной команде, осаждавшей нас в доме Романова и приведшей к преступлению.... Я видал подвиги русского воинства в Благовещенске, я видал победоносные русские оргии в Китае, и я знаю, до чего может дойти разнузданная военная команда. А какова была организация караульной службы у Романовки, вы сами слышали от г. Кудельского. Этот господин, отправляя солдат в караул, где 56 жизней отдавались в их руки, не находил нужным дать команде какие-либо инструкции. Он рекомендовал команде читать «Гарнизонный устав». А ведь этот-то именно устав и обязывает г. Кудельского лично объяснять своим солдатам правила употребления в дело оружия, и он обязан это делать перед каждой отправкою караула... Не стану я больше говорить».

Ольга Викер в очень краткой речи сказала: «я вольноследующая. В ссылку пришла за мужем. За три месяца моего пребывания в Александровской тюрьме, в дороге к Якутску и в Якутской области—я три раза стояла безоружная под дулом солдатских ружей. И тот факт, что человек, пришедший добровольно в ссылку, через 3—4 месяца идет на Романовку, чтобы протестовать против ссылки, этот факт, г. г. судьи, должен перед вами лишний раз подчеркнуть все ужасы режима Кутайсова, всю неизбежность и необходимость нашего протеста».

В речи Н. Габронидзе приводится очень характерный эпизод допроса его жандармскою полицией; самого существа дела он почти не касается: «арестован я в 1902 г. по делу беспорядков в Озургетском уезде, Кутаисской губ., за то, что я выяснял односельчанам смысл распоряжения губернатора. Допрашивал меня жандармский полковник, который не знал грузинского языка, я же по-русски ничего не понимал. В качестве переводчика присутствовал при допросе грек, который едва владел грузинским языком так, что не переводил жандарму и одной трети того, что я говорил: если бы жандармам была известна моя деятельность в селе, то они не арестовали бы меня».

Екатерина Ройзман в нескольких словах коснулась памяти товарища Матлахова: «здесь все время говорят об убий-

стве 2-х солдат, об убийстве же столь дорогого нам товарища, Ю. Матлахова, никто ни слова не сказал. Правительство старается доказать, что мы стреляли, оно защищалось. Мы доказываем противное: в нас стреляли со всех сторон, мы не отвечали. В этой перестрелке убито 3 крестьянина. За убийство 2-х крестьян мы преданы суду. Кто же ответит нам за убийство 3-го крестьянина, Юрия Матлахова»?

А. Костюшко сказал: «девять дней я сижу на скамье подсудимых, но ни одной минуты за это время я не чувствовал себя подсудимым. Не считал таковыми и своих товарищей. И это не мое только мнение. Недавно я получил письмо от своей старухи-матери: «как бы вас ни называли, для нас вы останетесь честными, хорошими людьми». Такая оценка для меня дорога. Ваш же приговор в этом отношении не может иметь для меня никакого значения.

И, наконец, И. Виленкин в последнем слове дает оценку и раскрывает смысл имеющего состояться судебного приговора по делу «романовцев»: «завтра вы произнесете ваш приговор. Он облетит всю мыслящую и чувствующую Россию, он усилит волны общественного подъема, он еще более сгустит грозные тучи, собравшиеся на горизонте русской общественной жизни: ваш приговор встретит всероссийскую критику передовой части русского общества. Это общество решит, насколько справедлив ваш приговор, насколько он исходит из современного положения вещей. Вы слышали голос бывшего офицера русской армии. Теперь я, отбывающий воинскую повинность в качестве рядового, заявляю вам, что я не жду и не желаю вашего снисхождения, но не могу не выразить своего глубокого сожаления, что не был на «Романовке» во время активной борьбы товарищей против циркуляров графа Кутайсова».

Слушавшееся с 30 июля по 8 августа 1904 г. дело «романовцев» в Якутском Окружном Суде в составе председателя суда Г. Будзилевич и членов суда: Л. А. Соколова и В. А. Ревердатто, при секретарстве С. Н. Меликова, в присутствии прокурора Л. Н. Гречина окончилось оправданием Ильи Виленкина, Марии Зеликман и Софии Померанец; Лев Никифоров приговорен, по лишении всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преиму-

ществ, к отдаче в исправительные арестантские отделения сроком на один год, а остальные «романовцы» присуждены, по лишении всех прав состояния, к ссылке в каторжные работы сроком на двенадцать лет для каждого.

Приведем характерные места из приговора: «не может быть сомнения в том, что по взгляду подсудимых, заявив правительственной власти требования об отмене циркуляров о политических ссыльных в Сибири и для достижения этой цели засев в числе нескольких десятков лиц с оружием в укрепленном доме инородца Романова, с решимостью добиваться поставленной себе цели, не останавливаясь перед самыми крайними мерами, подсудимые не только считали за собою право на организацию такового протеста, но даже считали себя равноправною по отношению к правительственной власти воюющею стороною, автономным целым, с правами, противопоставляемыми правам противной стороны. Так смотрели подсудимые, такого взгляда придерживается, повидимому, и защита подсудимых, утверждая, что в факте убийства двух солдат можно видеть только акт необходимой обороны со стороны подсудимых или—самое большее—превышение пределов ее. Нет надобности, конечно, говорить о том, что подобный взгляд, несовместимый с элементарнейшими, присущими всякому человеку с обычным уровнем сознания и понимания действительности, понятиями о законе и подзаконности всех и каждого, является той пеленой, которая скрывает или которою стараются скрыть настоящие, истинные очертания предмета. Допущение возможности права на борьбу лица или группы известным образом объединенных лиц с правительственною властью, законом установленною и являющеюся органом государственной власти, равносильно было бы отрицанию самых основ правопорядка и организованного в государстве общества».

Член суда Л. А. Соколов остался при особом мнении, находя недоказанным, что выстрелы от подсудимых, убившие Кириллова и Глушкова, были произведены с общего согласия или ведома всех подсудимых, основываясь на показании Теплова и на письменном заявлении их от 5 марта, где между прочим сказано: «вы добились... первый выстрел сделан не вами». А потому он и полагал применить к под-

судимым более мягкое наказание, лишь за сопротивление властям».

По апелляционному отзыву Иркутская Судебная Палата вновь рассматривала это дело и приговор Якутского Окружного Суда изменила, назначив каждому из подсудимых по 2 года крепости.

28 октября 1905 года все подсудимые по Высочайшему повелению помилованы.

Здесь интересно привести выдержки из письма одного из участников дела Костюшко к его матери Елене Михайловне в Смоленск. Письмо было задержано и, не попав по назначению, до сих пор хранится в деле департамента полиции: в нем сообщаются сведения о самом суде над «романовцами». «Вы, конечно, получили телеграмму и знаете о приговоре», говорится в нем. «Не унывай, дорогая мама. В сущности страшно только самое слово. Положение наше изменилось даже к лучшему. Уже чего стоит одно удовольствие ехать из здешнего неприветливого края, как-никак, а все-таки на юг. Забайкальская область представляется мне сейчас чем-то вроде южного берега Крыма. Конечно, если бы думать, что все 12 лет придется пробыть на каторге, тогда, конечно, положение было бы не из приятных. Но к счастию, теперь такое время, событие так неудачно для старого порядка, что скорей удивишься, что все пройдет без всяких перемен, чем тому, что случится что-нибудь новое».

«Но даже и в пределах существующего строя 12 лет, кажется, превратились уже по случаю рождения Атамана всех казачьих орд, т.-е. войск, в 8 лет, да кроме того, оказывается, на каторге существует особое для каторжан довольно удобное летосчисление, по которому год состоит не всегда из 12 месяцев, а бывает из 10 и иногда даже 8-ми. Через год, через два, а женатых и раньше выпускают в вольную команду, а это значит—в более южные широты, и на две трети ближе к России. Тогда и ты, может, будешь иметь возможность приехать и пожить с нами, мы выезжаем 19-го, т.-е. еще до вступления приговора в законную силу, и будем считаться не осужденными, а еще подсудимыми, значит, едем в своей одежде, без кандалов и берем багаж».

«Администрация, очевидно, боится резким переходом у всех на глазах взволновать всю ссылку и делает нам поэтому всевозможные поблажки. Вы, вероятно, знаете, что к нашему протесту путем письменных заявлений присоединились все колонии Якутской области и некоторые из Иркутской, Енисейской и даже Архангельской губ. Режим в ссылке, как я, кажется, уже писал вам, изменился совершенно. Вновь прибывающие сами выбирают себе улусы, если не нравится, через несколько месяцев меняют на другой; совершенно безнаказанно ездят в город и друг к другу и много тому подобное. Словом, *практических результатов, имевшихся в виду при протесте, мы добились.* Что же касается его агитационного значения, т.-е. впечатления, которое он произведет на высшие, средние и низшие слои общества, то об этом, конечно, лучше всего судить вам. Несомненно одно, что наш приговор—55 человек, из них 7 женщин, получили каждый по 12 лет каторги—будет очень большой ложкой дегтя в бочку с жидкой медовой водицей царского манифеста. Осудили нас за вооруженное восстание, результатом которого было убийство двух солдат (потери с нашей стороны не считают), по 263 и 268 статьям Ул. о наказ. Защитники доказывали, что эти статьи к нам неприменимы, так как мы протестовали против *незаконных распоряжений* Иркутского Генерал-Губернатора гр. Кутайсова. Сопротивления не было, так как власти не собирались брать нас силой, а убийство солдат было результатом самообороны против незаконных и самовольных действий караульных солдат. Защитники считают приговор совершенно незаконным и уговаривают, и даже упрашивают подать апелляцию. Наша публика боится, что широкая масса поймет нашу апелляцию так, будто мы верим в правосудие высших инстанций, и от апелляции думает отказаться».

«Не знаю, описывать ли вам самый процесс: он занял бы слишком много места и времени, а последним я не особенно располагаю. Скажу только, что перед нами ужасная картина, глядеть которую со стороны становилось страшнее, чем когда ее сам переживал. Мы были как бы отданы в последние дни «Романовки» (совершенно беззаконно) в полное распоряжение солдат и низшей полиции. Высшая админи-

страция на суде умыла руки и всю стрельбу (по признанию начальника местной команды было выпущено 880 пуль; помоему цифру эту можно утроить) свалила на унтер-офицеров, караульных начальников. Те же выводили караул на улицу и, не разобрав, в чем дело, начинали стрелять, как только часовой, стоявший у дверей, кричал: «стреляют». Откуда и куда стреляют, им не было интересно. «Из дома государственных», говорили те немногие солдаты, которые «помнили» начало стрельбы. Большинство несло такую спутанную и несуразную чушь, часто на один и тот же вопрос отвечало и «так точно» и «никак нет», что суд и даже прокурор при допросе, якобы, не придавали им серьезного значения, только в обвинительной речи все эти свидетели превратились в «более или менее достоверных». Почему вы так думаете?—задают им вопрос. Так что, больше «не откеле», или «больше некому», повторяли эти солдаты один и тот же вопрос. И вот на этих «больше некому» и довольно подозрительном свисте пуль была построена обвинительная речь. К приговору наша публика отнеслась спокойно, только радовались тому, что все получили поровну и не произошло разделения на зачинщиков и участников. В газетах вы прочтете, что, кроме 55, один получил год арестантских рот, а трое—оправданы. Один, это не бывший на «Романовке» последние дни случайно (вышел по поручению товарищей и был арестован), трое остальные совсем не были на «Романовке», против них не было никаких улик, а они сами подали заявление о сочувствии и о том, что помогали нам. Если бы обвинили их, то нужно было бы обвинить и те десятки и сотни ссыльных, которые заявлениями губернатору и министру выражали нам сочувствие».

Мы закончили обзор дела «романовцев».

Имеется длинный ряд фактов, подобранных по одной Сибири и свидетельствующих о борьбе с русским правительством враждебной стороны—политических ссыльных.

В 1885 году в Тюмени партия арестантов из административно-ссыльных, не желая итти пешком, просила парохода и подвод; их избили, потом судили.

22 марта 1889 года более жестокая по своим последствиям история разыгралась в Якутске при отправке поли-

тических в места, лежащие «за северным полярным кругом»— Верхоянск и Средне-Колымск. Были убитые (6 человек), были раненые. Над оставшимися в живых был суд военный, тяжелый по своим последствиям: трое приговорены к смертной казни, один оправдан, 28 подвергнуты наказаниям от каторжных работ до тюремного заключения.

Наконец, в нашем деле, в феврале 1904 года—видно чересчур много самоотвержения, но и слишком много страдания. Заброшенность, оторванность от всего, отсутствие примитивного комфорта заставляло людей рваться в более лучшие условия, хотя бы в тот же Якутск, пребывание в котором также не могло не томить их, но они мирились с этим. И за все эти порывы и естественные стремления— каторга, низведенная «всеисцеляющим врачем—временем» до полного помилования.

То зло, против которого политические восставали, есть зло, их лично касавшееся, «чисто сибирское». Но политические верили до последнего издыхания в борьбу со злом, с деспотизмом, с произволом администрации, и в то же время, веря в лучшее будущее России, не покладая рук, долгие, долгие годы боролись. Так постепенно, шаг за шагом, страданиями, лишениями и борьбою завоевывалась свобода.

Много горя и страдания изведали в Сибири борцы за свободу родины. Много дум они передумали, забегая мечтою в туманное далекое будущее, в то будущее, когда сгинет царство тьмы и наступит настоящий день свободы... и, наконец, настало время, осуществившее их надежды и их цели.

О чем они мечтали в глуши, то сбылось: время оправдало добрые деяния людей, жертвовавших и своею свободою, и своими силами, и своею жизнью.

Поэт-декабрист Рылеев о таких борцах сказал:

Так изгнанный мечтал в глуши,
Неся позорной ссылки бремя—
И правоту его души
Пред светом оправдало время.